

АЛЕКСАНДР ШКУРАТОВ

Повести и рассказы

ФАНТАСМА

Александр Шкуратов

Фантасма. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Шкуратов А.

Фантасма. Повести и рассказы / А. Шкуратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938103-3

В книге «Фантасма» представлены увлекательные фантасмагорические повести и рассказы, которые были созданы автором ещё в конце 20-го века в СССР. Сюжеты произведений захватывают с первых строк, и для читателя открывается ранее неизвестный ему мир, в котором присутствует мистика, приключения, ужасы, юмор, неземная любовь и многое другое, что увлекает читателя и позволяет ощутить всё то, что пережили наши герои в этих невероятных историях, произошедших в СССР в 20-м веке. Итак, мир фэнтези ждет вас!

ISBN 978-5-44-938103-3

© Шкуратов А.
© Издательские решения

Содержание

Крымский вариант	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фантасма

Повести и рассказы

Александр Шкуратов

© Александр Шкуратов, 2018

ISBN 978-5-4493-8103-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крымский вариант Фантасмагорическая повесть

Предисловие

Увлекательная фантасмагорическая повесть о раздвоении личности на духовном и физическом уровне. Повесть захватывает с первых строк и не даёт возможности оторваться от сюжета. События развиваются столь стремительно и неожиданно, погружая читателя в атмосферу неземных ощущений и в пространство параллельных миров. Не каждый человек готов к развитию столь неожиданного сюжета, но любопытство в познании неизведанного столь велико и сильно, что читатель стремительно углубляется в мистическую ткань произведения. События происходят в конце 20-го столетия, в 80-е годы, в курортном местечке Крыма под названием Планерское. Неожиданное знакомство главного героя с загадочной женщиной по имени Снежана открывает ему ранее неведомый мир и погружает его в невероятные приключения, где присутствует мистика, ужасы, саркастический юмор, неземная любовь и многое другое, что увлекает читателя, и позволяет ощутить всё то, что пережил наш герой в этой невероятной истории.

* * *

Самолёт, рейса Волгоград – Симферополь, на крыльях перенёс Самсонова Виктора Сергеевича в курортный рай солнечного Крыма. В уже знакомом ему аэропорту он без труда отыскал нужный ему автобус и в хорошем расположении духа занял место возле огромного бокового окна. По-праздничному ярко светило крымское солнышко, на людях пестрела разноцветная одежда. Выделялись люди с болезненно бледным цветом кожи, прибывшие на отдых, они опускали глаза перед «чернокожими» отбывающими с курорта. Салон автобуса заполнился на половину, водитель стал обилечивать пассажиров. Нарисовались двое рассеянных пассажиров, сели не в тот автобус. Кого-то за что-то ругая, они стали пробираться обратно к выходу. Виктор Сергеевич на всякий случай поинтересовался (спросил у водителя) о маршруте автобуса.

Не дождавшись ответа и сдачи в размере двадцати копеек, он проверил в действии откидывающуюся спинку кресла.

– Курить нельзя, – строго объявил водитель и запустил двигатель. Самсонов, поставил рядом на свободное место старенькую пишущую машинку. Когда автобус нервно тронулся, в салоне заиграла музыка. От того, что репродуктор был не качественным, голос Зыкиной казался охрипшим почти до неузнаваемости.

«Издавна долго

Течёт река Волга...» —

Пела Людмила Зыкина, а Виктор Сергеевич, всего несколько часов назад ступавший по волжской земле, внутренне был горд и даже патриотичен: Я – волжанин!

Виктор Сергеевич Самсонов, где-то в душе, считал себя прозаиком. Считал, но правда, не на все сто. За сорок пять лет своей жизни он много создал бы, но на сегодняшний день результат был достаточно скромным: три романа, начатых на одной неделе пятнадцать лет тому назад, состоявших в общей сложности из двадцати четырёх с половиной страниц; четырёх

повестей, сюжеты которых ещё вынашивались в голове; и несколько рассказов с неизвестным пока содержанием так же были в будущих планах, так называемого, прозаика.

Членом Союза Писателей, к его сожалению, он естественно не мог стать, но мечту эту из своей головы он упорно не выкидывал и регулярно посещал клуб «литераторов любителей». Молодёжь в клубе его уважала, как спокойного, простодушного члена, и иногда называла просто дядя Витя. Как-то в творческом порыве, Виктор Сергеевич сделал набросок стихотворения «Любовь Геракла», показал его там, где не стоило бы показывать. После чего он наотрез отказался пробовать свои силы в области поэзии и сделал для себя внушительное заключение: «Пушкин из меня уж точно не получится».

Работа у Самсонова была (на его взгляд) вполне солидной – экономист чулочной фабрики. Два раза его фотография «украшала» доску почёта. И еще, он был награжден тремя почётными грамотами с печатями и подписями самого Леопольда Леонардовича – директора фабрики.

Когда Виктор Сергеевич с взъерошенной шевелюрой творил за своим письменным столом, к нему на цыпочках подходила жена Клава. Она нежно обнимала мужа и целовала его в самую макушку, как бы в центр Вселенной. Потом она брала переполненную корзину со скомканными исписанными листами и беззвучно удалялась в сторону мусорного ведра.

Мысль о создании детектива посетила буйную голову Виктора Сергеевича внезапно, так же, как и у всех гениев. «Через неделю отпуск, плюс пятнадцать дней за свой счёт. В Крым, непременно в Крым. Крым! Писать! Писать!»

Авиа-касса. Предварительная продажа билетов. Взят билет на самолёт. Продлён срок в прокате на пишущую машинку. Собран чемодан в дорогу. И так: в путь! На Крым!

Езда в автобусе вызывала непреодолимую сонливость. Уже многие пассажиры с полуоткрытыми ртами и со вспотевшими лицами пребывали в состоянии тяжёлого сна. Закрывшись от солнечных лучей занавеской и нащупав рычажок, Виктор Сергеевич откинул спинку кресла. Скатывающийся пот, не совсем приятно щекотал тело. Бороться со сном желания не было. С мыслями о Чёрном море и о будущем детективе Самсонов незаметно заснул. Шум от проносившихся встречных машин казался ему шумом морского прибоя.

В репродукторе звучала тревожная камерная музыка, как будто из его будущего детектива.

– Планерское! Все вышли?! – услышал сквозь сон Виктор Сергеевич голос водителя.

– Нет, нет! Мне в Планерское.

Подхватив свои вещи, он поспешно стал пробираться к двери. Спотыкаясь в проходе через сумки, чемоданы, он зачем-то оправдывался:

– Не успел глаза сомкнуть, а уж... Извините...

Дверь автобуса захлопнулась. Самсонов, окутанный чёрным облаком выхлопных газов, с облегчением глубоко вдохнул полной грудью.

Довольно быстро подкатила попутка. Водитель «Газика» оказался весьма разговорчивым и в пути успел вкратце рассказать страшную историю, которая произошла у них в Планерском неделю назад:

– Я тут недавно одного опера подбросил, разговорчивым оказался парень. Слышь, чё рассказал? Представляешь, три рецидивиста, короче, настоящие убивцы, целый месяц в нашем посёлке паслись. Один из них две «вышки» имеет. Прикинь, в последний раз бежал из тюрьмы, в которой сам Котовский сидел.

– Какой Котовский? – поинтересовался Самсонов.

– Ну ты даешь, революционер был такой с усами и лысый. Да-а, с историей у тебя хреновато. А ты, сам – то, кто такой? – Водила подозрительно посмотрел на попутчика.

– Я – прозаик.

По лицу шофёра было заметно, что на слово «прозаик» он никак не среагировал, и продолжал дальше:

– В прошлом месяце эти трое банк взяли в поселке «Орджоникидзе». Семьдесят пять тысяч, это как десять «газиков» моих, представляешь? Кассира грохнули и ещё кого-то, не помню. Да, еще потом паромщика зачем-то завалили и за борт выбросили. А у нас на дно легли, притаились, чтобы сберкасса еще взять.

Вот гады. Представь, когда их ловили, то по посёлку ходили одни оперативники в бронежилетах и с автоматами. Наши отдыхающие враз дорогу на море забыли. Но этих мерзавцев все-таки поймали, куда им было деться, ведь всё вокруг оцепили, как на войне. Вот брат, в наши-то дни такое...

Шофёр посигналил встречной машине. Дальше ехали молча. Проезжая мимо холма, на котором на постаменте стоял планер, шофёр пояснил:

– Вот здесь люди на дельтапланах летают. Со всего Союза съезжаются, потому что у нас тут самые мощные воздушные потоки. Ты случайно не летун?

– Нет, я прозаик.

– А – а, – понимающе протянул тот. – Признаюсь, я никогда не встречал такой фамилии. Вот так вот, если понадобится, сразу и не вспомнишь.

– Я – Самсонов, а не прозаик.

– Ну, ты даешь. Только что сказал, что Прозаик и уже отказывается.

– Ничего я не отказываюсь. Фамилия моя Самсонов, а прозаик – это штука сложная. Долго объяснять.

– Что-нибудь с наукой связано? Понимаю, как же...

Подъезжая к центру посёлка, Виктор Сергеевич, неловко привстав, стал рыться в карманах брюк. Шофёр, с кислой улыбкой отказался от мелочи, сжимаемой в потной руке попутчика.

Выйдя около ресторана «Коктебель», Самсонов, не раздумывая, рванулся к автомату «Газированная вода».

Автомат, недовольно фыркнув, выделил чуть больше полстакана теплой мутноватой жидкости.

– Ну и водичка.

Виктор Сергеевич кисло сморщился. Другой автомат выполнял иную функцию. – Бросив в монетоприемник три копейки, – можешь постучать по нему кулаком. В тот момент, когда Самсонов, до боли в кулаках, выбивал из автомата газировку, подошла женщина, на вид лет сорока, в чёрном крепдешинном платье.

– Вам с сиропом? – спросила незнакомка.

Тот утвердительно кивнул головой. Она нажала стеклянную кнопку «мандариновый» и стакан тут же наполнился душистым шипучим напитком.

– Гармонь? – поинтересовалась женщина, указывая на футляр пишущей машинки.

– Пишущая машинка, – пояснил Самсонов, отрываясь от стакана.

Он заметил, что кожа женщины, по сравнению с проходившими мимо загорелыми людьми, была слишком бледной.

«Новичок», – мелькнуло в голове.

– Писатель?

– Писатель, писатель, – неохотно ответил Виктор Сергеевич, тщательно промывая стакан.

– Дикарём, аль как?

– Дикарём, но я вижу вы тоже новичок?

– Нет, что вы, я здешняя.

Самсонов покосился на неё, ещё раз удивляясь белизне её кожи.

– А меня загар не берёт, – будто прочитав его мысли, ответила незнакомка. – Смешно, не правда ли?

Виктор Сергеевич хотел, было, спросить о том, где можно снять жильё, но она перебила его:

– Вам нужна квартира?

– Конечно, конечно. На месяц.

– Пойдёмте со мной, и считайте, что вам повезло. Я завтра улетаю к сестре на север. Летнее время я часто провожу у неё, а она иногда гостит у меня зимой. Я уже больше не могу находиться в этом пекле, страсть как не переношу жары.

Посмотрев на её чёрное платье, Самсонов посоветовал:

– Вам бы лучше носить белое платье, в нём жара легче переносится.

– Нет, что вы, белое платье это так вызывающе, это же очень броско и неприлично.

– Что в этом неприличного? – подумал он вслух, и зачем-то добавил:

– А у меня жена летом в белом сарафане ходит.

– У вас есть жена? – удивилась незнакомка.

– Да, есть. Клавдия.

– А я думала, что у писателей не бывает жён. Может быть, вы ненастоящий писатель?

– Как это, ненастоящий? Настоящий. И вот машинка у меня есть и пятьсот чистых листов в чемодане...

– А – а, ну конечно, – согласилась та, – значит писатель.

Чемодан тяжелел с каждым шагом. Он настойчиво хотел отделить ладонь от запястья.

– Давайте помогу, давайте – давайте...

Она, не дождавшись согласия, выхватила у ступежавшегося Самсонова тяжеленный чемодан.

Он, растерянный и покрасневший, пытался объяснить ей, что это дело не женское и что он ни капельки не устал.

Женщина шла чуть впереди. Виктор Сергеевич поражался той лёгкостью, с которой она передвигалась. Они свернули в переулок. Частные домики утопали в зелени садов, казались праздничными и приветливыми. Малое количество прохожих говорило о том, что вся остальная людская масса сейчас упивается отдыхом на море. Путь, который они проделали, показался Самсонову не совсем коротким.

– Осталось немного, вон там. – Женщина подняла руку, в которой держала чемодан, и указательным пальцем куда-то указала.

«А всё говорят, что женщины – это слабый пол», – произвольно подумал Самсонов.

Повернули к покосившейся калитке. По деревянному ветхому настилу, пригибаясь под ветками деревьев, прошли вглубь двора.

– Свежестью тянет, – подметил Виктор Сергеевич, вдохнув полной грудью.

– Тут недалеко болото. Я ж говорила, что жару не переношу, как и мои предки. Они вот и выбрали место попрохладнее.

Прошли мимо крохотных, полуразвалившихся сооружений, похожих на курятники.

– А это что? – поинтересовался Самсонов.

– Это? Это для приезжих. В начале зимы их привозят, вот они и живут здесь.

«Почему в начале зимы»? – мысленно изумился он. «Да ещё в таких конурах, без окон и дверей, с прогнившими крышами»...

Его мысль перебила женщина:

– А в начале зимы у нас очень хорошо. Вы ведь ни разу не бывали у нас в начале зимы?

– Нет, не бывал.

– А то, что они живут в таких условиях, – это не беда. Им поначалу всё равно, – хоть дворец, хоть сарай.

– Но ведь...

– Вот и дом, – перебила она, указывая указательным пальцем той руки, в которой держала чемодан. «Видимо для нее этот тяжеленный чемодан вообще ничего не весил», – подметил он.

Это было почерневшее деревянное сооружение из двух этажей. К двери второго этажа вела крутая лестница с перилами. Вплотную к дому подступали деревья с густой, тёмно-зелёной листвой. Древний колодец с почерневшим от времени бревенчатым срубом. На длинной оглобле «журавля» с одной стороны на ржавой цепи болталось погнутое старое ведро, а на другом конце «журавля», прикрепленный проволокой, полуметровый кусок ржавой рельсы.

Глядя на дом, Самсонов произвольно представил избушку Бабы-Яги. Казалось, что это деревянное, неуклюжее сооружение, вот-вот, поскрипывая, поднимется на огромных курьих ногах и закудахчет.

– Этому дому очень много лет. Красавец, не правда ли?

– Да-а, и я тоже в красивом доме живу, в девятиэтажном, с лоджией, – зачем-то похвастался Виктор Сергеевич.

– Что вы, товарищ писатель, ваш дом ни в какое сравнение с моим не идёт. Этот дом дышит и шепчет по ночам голосами моих предков. В нём чудеса живут. Здесь когда-то было настоящее болото, а теперь не болото, а так, лужа. – Женщина тяжело вздохнула и поставила чемодан.

– Давайте знакомиться. Я – Снежана Морозова.

– Виктор Сергеевич Самсонов, – представился он. – А отчество ваше как?

– Никак. У меня не было отца, меня матушка в снегу нашла.

«Шутница, в паспорте надо обязательно отчество указывать», – мысленно заметил Самсонов.

– Какие паспорта? О чём вы говорите?

– А я ничего и не говорил, – удивлённо приподнял брови Виктор Сергеевич.

– Ах – да, я совсем забыла. Вы знаете, последнее время я стала иногда заговариваться, но это бывает редко. Пусть вас это не удивляет, моя старость, она всегда своё навязывает. Как-никак, уже девятый десяток стукнул.

Самсонову послышалось пятый десяток, и он запротестовал:

– Ну что вы, в такие-то ваши годы, говорить о старости, – это просто смешно.

– Спасибо за комплимент, а я уж думала.... Поднимайтесь за мной. Я живу на первом этаже, там попрохладней, а вам в самый раз будет наверху.

Я уверена, что вам здесь понравится.

Называть её просто Снежаной, не по отчеству, Виктор Сергеевич как-то не смел. «Всё-таки женщина, а не девушка». Выяснить имя её батюшки, которого, как она сказала, у неё не было, он не стал. «Завтра уедет и дело с концом».

– Да, завтра улетаю, товарищ писатель. А отца у меня и в правду не было, и маму тоже в снегу нашли. Сначала она была мертвой, а потом ожила.

От такой мистической информации у Самсонова по спине пробежали мурашки. И еще он стал ловить себя на том, что она, уже в который раз, разговаривает с его мыслями. Поднявшись по шаткой, полусгнившей лестнице, они оказались на маленькой лестничной площадке. Хозяйка толкнула незапертую дверь.

– Проходите, товарищ писатель, милости просим, а милостыню нет.

Тот, пригибаясь, вошёл в своё будущее жилище.

Одна огромная комната. Старинная никелированная кровать была аккуратно застелена. У большого единственного окна, в которое почти не проникал дневной свет, стоял старинный стол с резными ножками. Стол был застлан расшитой скатертью. В углу, как белое пятно, – старенький холодильник «Саратов». На стене висела большая картина в массивной рамке с облупившейся коричневой краской. Неизвестный художник изобразил полуобнажённых упитанных девиц с пёстрыми веночками на головах, плывущих в лодке, украшенной цветами. Рядом с ними по воде плывут не то лебеди, не то гуси, что-то среднее, а на берегу, куда плывут девицы, художник изобразил добрых молодцев, правда, все они не пропорционального телосложения, да к тому же, все на одно лицо.

Около дверей – два допотопных стула. На один из них присела Морозова. Посередине комнаты в подвешенной деревянной клетке сидел светло-зелёный попугай и одним глазом сердито косился на незнакомого квартиросъёмщика.

– Можете с ним поздороваться, – предложила хозяйка.

Самсонов, поколебавшись, неуверенно пробормотал:

– Ну здравствуй, птица.

– Пррривет! Тебе сколько лет? – внезапно выпалил попугай.

– Сорок пять, – произвольно ответил Виктор Сергеевич в растерянности, потом, неловко хохотнув, погрозил в сторону попугая. – Ух ты, озорник, ух ты, воробей.

– Позорррник! Сам ворррробей! – огрызнулся, сидящий в клетке.

– Ну, хватит, Феоктист, совесть поимей, лучше бери пример со своего пра-пра-прадеда, он же ведь был советником самого Конфуция, – пристыдила его Морозова. Попугай в ответ что-то недовольно проворчал и успокоился.

– Если хотите, можете проживать внизу, на первом этаже.

– Нет, нет. Это мне в самый раз, здесь как раз много места, можно походить, подумать. Когда пишешь, оно знаете как?.. Ну, а теперь, так сказать, сколько мне вам за месяц? – Самсонов потянулся к чемодану за деньгами.

– Совсем немного, кормить мою птицу, зовут его Феоктист, и моего любимого кота, конечно, если он надумает к вам прийти. А вообще-то, он гостей всегда встречает, обязательно придёт. Вы, товарищ писатель, на Феоктиста не обижайтесь, когда тот вздумает поболтать с вами о том, о сём. Бывает, срывается, просто диву даёшься, такое начинает болтать. Вот я и переселила его наверх, – хулиганить начал. А вообще-то, Феоктист – птица умная, мозги у него что надо. Вот вы знаете, о чём он сейчас думает?

– Откуда же?

– Хотите, скажу?

– Конечно же. – Виктор Сергеевич с любопытством уставился на дремавшего попугая. «Кумекает что-то», – подумал он.

– Он думает о том, о чём вы думаете. Ведь вы думаете: «Как мне повезло с квартирой». Не так ли?

– Вообще-то так, – натянуто улыбнулся Самсонов, почёсывая затылок. – Надо ж, прочитала, ну птица, ну даёт. А как она узнала?

– Она всё знает, она знает то, чего и я не знаю. Эта попугайна прожила в два раза больше, чем я, даже песни поёт, правда современных не знает, но зато как поёт, заслушаться можно. Хотите послушать, немного расслабиться после дороги?

– С удовольствием. – У Виктора Сергеевича слегка вспотел лоб.

– Давай Феоктист, спой нам «Яблочку», – обратилась хозяйка к косившему на них попугаю. Тот не заставил себя долго ждать, с сипом набрал побольше воздуха и запел:

«Эх, яблычка, да на тарелочке,

Надоела мне жена, пойду к девочке...»

– Давай второй куплет, – завелась Морозова.

Попугай, войдя в образ, с задором запел второй:

«Эх, яблычка, куды ты котишься,

Кому в рот попадешь, да не воротишься».

От этого неожиданного зрелища Виктор Сергеевич моментально побледнел. Чего-чего, а такого уж он никак не ожидал.

– Ну и птица, вундеркинд какой-то, – шёпотом сказал он, вытирая со лба проступивший пот.

– Понравилось?

– Ещё бы... Ну птица, ну даёт...

– Кота моего зовут Январём. Потому, что он в Январе родился. Кстати, очень любит зиму, как и я. А еще, он сказки может вам рассказывать. Вот вы будете засыпать, а он вам тихо-тихо сказочку какую-нибудь расскажет. Когда он был котёнком, я ему много сказок рассказывала, и представляете, по сей день всё помнит. Знаете, мой кот очень гордый, его надо всегда о чём-то просить. Когда спать будете ложиться и попросите его, если сказочку захотите послушать.

Узнав о том, что её кот сказочник, Виктор Сергеевич особо не удивился. «Если уж попугай поставленным тенором распевает „Яблочко“, чему уж теперь тут удивляться».

Хозяйка объяснила, где надо умыться, в чём и где можно постирать бельё. Выделила несколько деревянных бельевых прищепок, и даже кусок хозяйственного мыла. Умело натянула бельевую верёвку между двух деревьев. Продемонстрировала, как надо черпать воду из колодца, и в котором, как она многозначительно подчеркнула: лягушек не водится.

– Ну а если кто из приезжих будет спрашивать насчёт жилплощади, то на ваше усмотрение, можете пустить в мою комнату. Я вижу, что вы человек порядочный, вот порядочных и пустите. А денег ни с кого брать не надо, пусть люди бесплатно живут. Ключик будет висеть вот здесь, на гвоздике, – показала она.

Чем кормить кота Самсонов мог представить, но с Феоктистом дело обстояло сложнее, так как с попугаями в жизни ему сталкиваться не приходилось. От Морозовой он узнал, что Феоктист долгое время может продержаться на ливерной колбасе, и что не отказывается от сортов и подороже, вплоть до сервелата. На вопрос: как у вас тут с ливерной, хозяйка не задумываясь, ответила:

– Ливерной у нас тут завались. Её даже без очереди дают, правда, когда «настоящая» колбаса в продаже есть. А вы любите картошку варёную в «мундире», Виктор Сергеевич?

– Как же, конечно люблю.

– Представляете, мой Январь тоже обожает. Когда будете варить, то не забудьте угостить его. Только мундирчик то с картошки снимайте.

Вскоре они перенесли на второй этаж электрическую плитку, сковородку, кастрюлю, чайник, кружку, соль, бутылку подсолнечного масла, ведро картошки, две тарелки, ложку и вилку.

– А если что ещё понадобится, то посмотрите у меня внизу. Ключик знаете где, – на гвоздике. – Морозова вдруг слегка насторожилась и смешно заводила носом, как бы приносиваясь.

– Опять у Марьи молоко ушло.

– У какой Марьи? – не понял Самсонов.

– Да тут рядом живёт, через два дома. Вечно у неё молоко убегает... Наверное, проголодались товарищ писатель? Сейчас что-нибудь придумаем, время-то к вечеру идет.

– Нет, спасибо за внимание. Я всё ж, наверное, прогуляюсь. По магазинчикам пройду, на базарчик загляну, давненько уж здесь не бывал.

– Вот я и думаю, откуда же мне ваше лицо знакомо? Ведь я всех помню, кто в Планерском бывал.

– Так народу же тысячами едет, – изумился Самсонов.

– Ну и что, помню каждого, кого лично видела, конечно. Вот вы, сейчас вспомню, вы тогда ходили в синих техасах, и футболка трикотажная у вас была такая..., жёлтая. А что же на ногах? Ах – да, резиновые синие шлёпанцы, а левый перед вашим отъездом порвался. Это было в 1973 году. Так?

– Ведь это ж просто фантастика. И вот так каждого сможете описать?

– Кого видела, запросто. Это просто. Все люди-то, как на ладони. Правильно я говорю, товарищ писатель?

– Это оно так, – согласился тот, глубоко задумавшись.

Виктору Сергеевичу уже стало неприятно слышать постоянное: товарищ писатель, товарищ писатель. «Как будто издевается, уж быстрее бы уехала, да за работу. Красота ведь, местечко просто сказочное, ни шума, ни гама. Фортунисимо! Кстати, можно и в ресторанчик заглянуть, за квартиру-то платить не надо».

Он поднялся в свою комнату и переоделся. Сунул в карман хрустящую десятку с Лениным, постояв в раздумье, прихватил ещё скомканную трёшницу. На всякий случай, обильно поодеколонился.

– Пока, подмигнул он Феоктисту.

– Пока, беррреги бока! – последовал незамедлительный ответ.

Виктор Сергеевич, улыбаясь, по-молодецки сбежал вниз по лестнице. В его руке был полиэтиленовый пакет с фото-композицией Аллы Пугачёвой.

Морозова была права, ливерной колбасы в магазине было много, а желающих купить её было очень мало, – только один Виктор Сергеевич. Копчёной колбасы оставалось мало, но желающих её купить было видимо-невидимо. У винного отдела была тихая, но плотная очередь. Вино брали преимущественно дешёвое. Самсонов подумал, вроде бы как..., но в очередь не встал. «Успеется», – таким образом, он успокоил сам себя.

Купил килограмм ливерки, пачку чая «Экстра», пачку быстрорастворимого рафинада, а на случай творческого вдохновения – пачку сигарет «Золотой пляж». Хотел было уходить, но вспомнил, что надо купить батон хлеба, да и триста грамм конфет «Школьница» к чаю в самый раз.

Выйдя из душного магазина, Виктор Сергеевич направился по знакомой ему улице к базару. Как такового, базара уже не было, и он, побродив между прилавками, отправился в ближайшее кафе с целью: хорошенько подкрепиться после длительной дороги. В зале кафе «Дорожное» никого не было, не считая двух старушек за разными столами и четырёх кошек, лениво разгуливающих между их ногами. Не отходя от кассы, Кассирша пила чай. Меню, на первый взгляд, показалось привлекательным, но это ещё ни о чём не говорило. Когда, после настойчивых позывных кассирши, появилась раздатчица Маша, которая, не спрашивая, выдала «второе блюдо» из перловки с тремя кусками жира.

– Свинина тушёная, – объяснила она Самсонову, а тот, склонившись над тарелкой, стал внимательно изучать её содержимое.

– Бульон мясной – объяснила Маша, подавая сероватую дымящуюся жидкость.

– Пить что будете? – повелительно затребовала кассирша.

– А что есть? – робко спросил он.

– Чай.

– Тогда конечно, чай.

– Рубль, – не считая, зевнула кассирша. Прожужжала касса и предоставила чек. Виктор Сергеевич хотел было дать металлический рубль, но заметив на нём изображённую «Родину-мать» с мечом – символ Волгограда, сунул его обратно в карман и протянул трёшницу.

– Давайте, давайте рубль, я видела. Он у вас в правом кармане. Мне сдачу нечем давать, – повелительно затребовала кассирша. Самсонов, сконфузившись, расплатился юбилейным рублём.

Как он не заставлял себя настроиться на соприкосновение с едой, приёма пищи всё же не состоялось. Отпив несколько глотков типа «чая», Виктор Сергеевич, отмахиваясь от скучающих по общению с посетителями мух, выскочил на улицу. А две старушки, кроша хлеб, в так называемый бульон, и разговаривая о чём-то с облезлыми кошками, не торопились уходить из душного кафе, и мухи почему-то их не кусали.

Навстречу Самсонову быстро шёл бледнокожий человек с сосредоточенными голодными глазами.

– Кафе работает? – не останавливаясь, спросил он.

– Работает, ещё как.

Виктор Сергеевич хотел его предупредить, но тот уже успел юркнуть в гостеприимно распахнутые двери.

Ранее напоминавший о себе голод, после посещения кафе «Дорожное», быстро исчез. Нестерпимо потянуло к морю, – полюбоваться его красотой, подышать морским свежим воздухом. Заходившее солнце, зацепившись за вершину Карадага, казалось, что застыло на одном месте. Со стороны моря шли люди, далеко не свежего вида. Иногда взгляд Самсонова останавливался на чьей-то обезображенной спине, где безжалостное солнце оставило следы своего внимания. Людей, с такими спинами, впереди ожидали тяжёлые бессонные ночи, кефирные компрессы или чьё-то нечаянное похлопывание. А к морю тоже шли люди, но их внешний вид был куда бодрее противоположно идущим. Они были нарядно одеты и пахли не то духами, не то одеколоном, как в парфюмерном магазине.

Вечернее гуляние, переходящее в ночное – это неотъемлемая сторона жизни курортных городков. Гуляния, желаемые и не желаемые знакомства; поцелуи и пощёчины; на танцплощадках – перегруженные децибелами акустические колонки; теплота ночного моря, ласкающая два обнажённых тела; нетрезвые выкрики в объятьях мигающей цветомузыки; тихий шелест акации, прерываемый счастливым, чуть слышным смехом неизвестной девушки – королевы ночи. «Я так хочу, чтобы лето не кончалось, чтоб оно за мною мчалось, за мною в след...» И вообще, отдыхать летом на море все любят. Например, директор банно-прачечного комбината со своей новенькой секретаршей проверяют на прочность надёжность своих отношений друг к другу. Романтический контакт между ними, видимо, протекает удачно, и потому они выглядят веселыми и счастливыми. Или вот, – самодеятельный ВИА из Москвы. Лобают пацаны в курортном кабаке, приличный «карась» прилипает, хавка, естественно, ресторанская, – посетители ведь не всё съедают и допивают, не выкидывать же. Правда, директору кабака отстегивать приходится за прибыльное место, но это – само собой, как без этого.

И вообще, кто не любит отдыхать на море? Вот и Виктор Сергеевич тоже приехал сюда совместить отдых с творческим порывом. Так пожелаем же ему удачи.

Самсонов побродил по набережной, выпил две кружки водянистого пива, пострелял в тире, посидел на лавочке. «Пора идти», – подумал он, и пошёл.

«Совсем недалеко», – прикинул он, оказавшись у калитки дома Снежаны Морозовой.

– Как погулял, товарищ писатель? – слышалось из глубины двора.

– Хорошо погулял, посидел на лавочке, пострелял в тире, по набережной прошёлся.

– А я вот поджидаю вас, думаю, как бы ни заплутались, мимо не прошли. Темнеет уж...

Во дворе на лавочке сидела хозяйка. Она ела яблоко и ногой отталкивала лягушку, упорно ползущую в её сторону. Виктор Сергеевич присел рядом.

– Пойдёмте ужинать, товарищ писатель, и не говорите, что сыты по горло, я то – уж знаю, как здесь приезжих в этих вонючих забегаловках кормят. С последним Самсонов был полностью согласен и, почувствовав подступивший голод, не стал отказываться от столь заманчивого предложения. Морозова пояснила, что кушать на свежем воздухе куда приятнее, чем в комнатной духоте. Она вынесла пёструю клеёнку и накрыла ею старенький маленький столик, стоявший под лестницей.

– Помогите, товарищ писатель.

Они перенесли стол и поставили его возле окна.

– Новая клеёнка, по запаху чувствую, – определил Виктор Сергеевич.

– А чего ей лежать, думаю, век-то не вылежит, – ответила Морозова, разглаживая на ней следы от сгибов.

Пока она собирала ужин, он поднялся к себе наверх и переоделся. Чёрный спортивный трикотажный костюм, новые комнатные тапочки, купленные Клавдией прямо в день отлёта.

Самсонов с удовольствием рассмотрел себя в зеркале, потом старательно причесался на пробор.

– Товарищ писатель, если не трудно, прихватите клетку с Феоктистом, – послышался с улицы голос хозяйки.

– Беррри, беррри, – косясь одним глазом, подтвердил попугай.

Виктор Сергеевич послушно снял с крючка клетку и с ней спустился вниз.

– Пусть эту ночь со мной переночует, вам он ещё все уши прожужжит, – пояснила Морозова, забирая клетку.

– Осторожней, не дерррево, – вцепившись в прутья, пробурчал Феоктист.

Сумерки сгущались, и всё вокруг становилось по-особому таинственным и завораживающим. На фоне затухающего неба загадочно и сказочно вырисовывался силуэт колодезного «Журавля». Недалеко за домом, видимо в болоте, начал репетицию лягушиный хор. Застрекотали невидимые сверчки. Обступившие двор деревья казались плотной тёмной стеной. Дневная духота как-то сразу сменилась внезапно подступившей свежестью и прохладой. Падающий свет из окна хорошо освещал столик, на котором их уже поджидал ужин.

– Садитесь. – Морозова показала на табуретку.

– Всё так сказочно. Ни огонёчка вокруг не видать, – сказал Самсонов, присаживаясь. – Словно в лесу.

– Только соловьи у меня не живут. У других в садах живут, а у меня почему-то нет. Но зато у меня Феоктист хорошо поёт, соловьём может и щёголем тоже, правда, грубовато получается, но ничего, слушать можно.

Хозяйка поставила перед Виктором Сергеевичем глубокую миску с тушёной картошкой.

– Вот грибочки, огурчики, помидорчики. Выпивающий, а? Товарищ писатель?

– Как и все, в меру, – замаялся Самсонов.

Морозова достала из-под стола бутылку. Обтирая её фартуком, пояснила, что это собственного приготовления. Открыв бутылку, разлила по полстакана.

– За ваш отъезд, – предложил он.

– И за ваш приезд, – дополнила она, хитровато сверкнув глазами.

Тускло звякнули стаканы. Выпили.

– Крепкая, а пьётся легко, – заметил Виктор Сергеевич, похрустывая малосольным огурчиком.

– В магазине не покупаю. Она голову дурит, а эта настоечка, и вроде бы дурманит, и думать интересно заставляет. А какие сны после неё, ну прямо, как наяву. Кроме, как у меня, нигде такой настоечки не отведаете, товарищ писатель. Да вы закусывайте, берите, вон грибочки.

Морозова сообщила, что вернётся по осени, когда спадёт жара, что соседка Марья приглядит за домом, попугаем и котом, когда уедет Виктор Сергеевич. Самсонов с аппетитом ел вкусную картошку с мясом, накалывал вилочкой маленькие, упругие грибочки.

(Ужин на свежем воздухе – это всегда хороший аппетит и приподнятое настроение.)

Они выпили ещё. Виктор Сергеевич стал воодушевленно рассказывать о своей Клаве. Он часто упоминал о её золотой душе. Хвастался, что Клава после техникума вполне могла бы поступить в институт, если бы не встретила его. Рассказывал о дочери, которая недавно вышла замуж. Не за кого-то там, а за лётчика. Морозова внимательно слушала его. Где надо иногда вздыхала, а где не надо – нет. Иногда что-то переспрашивала, понимающе кивала головой.

– Мы с Клавой душа в душу живём, соседям на зависть, – с довольной улыбкой сообщил Самсонов.

– А что соседи плохо живут?

– Представляете, плохо. Ругаются, всё что-то делают.

А иногда дело и до кулаков доходит. А мы с Клавой хорошо живём. Она на меня порою закричит, это так, не со зла: «Ух ты, негодник!», а я ей в ответ:

«Ух ты, мой Клавусёнок» и сразу ссоре конец.

– Так значит вы счастливый, товарищ писатель? – спросила хозяйка.

– Да, представляете, да. Вот люди-то гоняются за счастьем, а счастье-то оно рядом, смотрит на них и говорит: «Возьми меня, человек». – Виктор Сергеевич артистично повёл рукой.

– Счастье все по-разному понимают. Ваше счастье – это Клава. Моё счастье – это помощь несчастным. У некоторых счастье в богатстве, у других в избавлении от мук. Счастье – это чувство личное.

– А кто эти несчастные, которым вы помогаете? – не смог удержаться Самсонов.

– Как вам сказать – это больные люди, которых врачи считают безнадежными.

– Вы лечите?

– Не совсем так, а в прочем, считайте, что лекарь.

– Вот уж не думал, что вы врач, – удивлённо протянул Виктор Сергеевич.

– Нет, я не врач, медицинским наукам не обучалась, и в аптечных лекарствах неважно разбираюсь. Вот моя больница. – Морозова показала на дом.

– А как вы лечите? Гипнозом? – осторожно поинтересовался он.

– Нет, гипноз, это – разновидность галлюцинаций. Я лечу тем средством, которое заключено в рамки вечной тайны Полярной Звезды. Это средство предназначено только для несчастных людей, которые потеряли реальное ощущение окружающего их мира, – Гармонии Жизни. Я не использую гипноз, я использую Холод, – низкую температуру, как лечебно – профилактическую среду. Я помещаю своих пациентов в Холод, если уж проще. В холоде у человека инстинктивно начинает срабатывать желание: согреться. Это – Движение к Теплу, к Жизни, а значит и к Свету. Это я так, вкратце, чтобы поняли, а то подумаете, что я – ведьма какая-нибудь, да еще испугаетесь меня. Если бы вы были несчастны, я непременно б вам помогла, – почти шепотом закончила хозяйка.

Сказанное, для Самсонова было так непонятно и далеко, что он, уже захмелевший от настойки, не стал напрягать свой мозг на эту тему и предложил выпить ещё. Морозова отказалась, напомнив, что ей завтра в дорогу, а ему охотно налила. Он вдруг заметил, что хозяйка – красивая женщина, даже залюбовался ею, но мысленно отругал себя, за собственное вольно-

думие: «Я тут выпивши на красивых женщин заглядываюсь, а у меня дома жена. Я не имею права вести себя так непорядочно. Прости, Клав».

Рядом, в верхушках деревьев, захлопала крыльями невидимая ночная птица. Ночь звучала загадочными шорохами. Здоровенный жук, видимо летевший на свет, со всего маху ударился об оконное стекло и, отскочив на стол, обалдевший от неожиданного удара, пополз, подбирая крылья.

– Прохладненько, – поёживаясь, заметил Виктор Сергеевич.

– А здесь у нас так, – днём жаррица, а как стемнеет – рай.

– Пойду-ка я, наверное, отдыхать. Глаза что-то слипаются, как ни как с дороги...

– Конечно, конечно, идите, отдохните, товарищ писатель. Приятных вам сновидений. Я вот приберусь тут, и тоже спать пойду.

Самсонов от души благодарил хозяйку за вкусное угощение, пожимая её прохладную ладонь, а уж потом пошёл наверх, в свою комнату.

– Мне завтра рано уезжать, так я к вам утречком забегу, Феоктиста принесу и сменное постельное бельё. Спокойной волшебной ночи, товарищ писатель.

Быстренько разобрав постель, Виктор Сергеевич юркнул под одеяло. Согреваясь от холода и вечерней влажности, сложился калачиком. «Что повезло, то повезло. Где бы я нашёл такие условия? Бывают же добрые люди на свете. Завтра непременно отпечатаю Клаве письмо, пусть там не беспокоится за меня. А постель – то, какая мягкая, с периной». Согревшись, он вытянул ноги, и приятная истома пробежала по телу. От выпитого чуть кружило голову. Сон настойчиво овладевал сознанием, придавая векам тяжесть, а мыслям – полную неограниченную свободу.

Самсонов никогда не видел снов. Он завидовал тем, кто ночью, вдруг, оказывался в невероятных ситуациях, встречался с несуществующими образами, а утром рассказывал об этом, как будто это был не сон, а интереснейший фильм. «Везёт же людям», – думал он. Но сейчас, засыпающий Виктор Сергеевич где-то ощутил, почувствовал о приближении Чего-то Таинственного. Да, он уже спал, подложив кулак под голову и сладко причмокивая, но, а сознание, бодрствуя, напоминало ему, что нечто таинственное непременно должно произойти в эту самую ночь.

Самсонов разделился как бы внутренне – на человека спящего и не спящего. Спящий человек спал, а не спящий чего-то ожидал, чутко прислушивался к таинственному дыханию ночи. Спящий спал, а не спящий настороженно озирался вокруг, стоя на полусогнутых ногах посередине комнаты. Взгляд застыл на окне, которое было чуть светлее темноты. Спящий спал, а не спящий на цыпочках осторожно приблизился к двери, неподвижно постоял к чему-то прислушиваясь, потом, тяжело вздохнув, подошел к спящему. Тот, видимо, крепко спал, но не спящему почему-то спать не хотелось. Он подошел к столу, на ощупь нашел пачку сигарет и закурил. Не спящий закашлялся и испугался, что разбудит спящего, и спешно загасил сигарету.

– Не спится, товарищ писатель? – Откуда-то снизу послышался голос Морозовой.

Не спящий, тяжело вздохнул и ответил в пол:

– Сновидений жду, всё никак не приходят. Уж весь извёлся в ожидании.

– Ну, хорошо. Сейчас я к вам приду, как сновидение. Только называйте меня Снежаной. Ладно? – послышалось снизу.

– Ладно, – согласился он. – Но ведь я не одет. Неудобно как-то...

– Не вздумайте одеваться, вы же сейчас как бы во сне пребываете, и не включайте свет, – таинственно предупредила она.

Не спящий, в ожидании сновидения, стал нервно шаркать по полу босыми ногами. Заскрипела лестница. Сновидение поднималось медленно, напрягая и без того тягостное время ожидания. Его сердце колотилось так, аж отдавало в голову. Сновидение тихо постучало в дверь.

– Не заперто, входите, – волнуясь, он еле выдавил из себя, боялся разбудить свою вторую половину.

Сначала в дверях появилась зажженная керосиновая лампа, а потом и сама Снежана Морозова. Не спящий так удивился её внешнему виду, что чуть не лишил сна спящего. Тот, что-то бормоча, с довольной улыбкой, повернулся на другой бок к стенке. Снежана Морозова была почти обнажённой. Что значит почти? – Это чёрные шёлковые трусики и того же цвета узенький полупрозрачный бюстгальтер.

– Не удивляйтесь, товарищ писатель. Это, чтобы вы себя чувствовали не скованно, ведь ваши одеяния, как я вижу тоже не парадные.

Он при свете керосиновой лампы осмотрел себя и охотно согласился с ней. Та поставила на стол лампу и недопитую вечером бутылку с настойкой.

– Вы вчера не были такой красивой и молодой, как сейчас. Такое только во сне бывает?

– И во сне тоже. Но он меня вчера не разглядел, – она кивнула в сторону спящего. – Сейчас ведь вы уже не он, вы стали другим. Вы интереснее, чем тот. И вкусы у вас с ним стали разные. А давайте будем на «ты», надоело «выкать», – предложила Морозова.

Не спящая половина Самсонова естественно же согласилась.

– Без закуски пьёшь? – спросила она.

– Пью, но у меня есть ливерная колбаса, батон хлеба и конфеты «Школьница».

– Богато живёшь, давай на стол.

Снежана вынула сигарету из пачки и, склонившись, подкурила от лампы. Сизый мистический дым завис над столом.

– Не проснётся? – испуганно спросил не спящий, показывая на спящего. – Он ведь не курит.

– Нет, не бойся, настойка чудодейственная, значит, спать будет без задних ног, до утра.

Виктор Степанович никогда не получал такого удовольствия при виде красивых женских ног, как сейчас. Она привлекательно сидела нога на ногу, как на обложке иностранного мужского журнала. Красивые чуть раскосые глаза этой женщины рвали его душу на куски.

– Во сне можно всё делать? – осторожно спросил он. – Абсолютно, всё что вздумается, – сладко ответила Морозова.

(Мы уже знаем, что наш герой представляет вторую половину сущности Самсонова, и что он уже находится в увлекательных событиях сновидений. Напоминать об этом в дальнейшем я больше не буду. Буду его называть так же, как и спящего – Самсонов Виктор Сергеевич.)

Самсонов вдруг сник и загрустил. Снежана нежно положила руку на его плечо, и заглядывая в его опечаленные глаза, тихо спросила: – Почему такой грустный, мой писатель? Тебе со мной скучно?

– Нет Снежана, наоборот, мне с тобой очень хорошо и мне не хочется, чтобы ты завтра уезжала, ведь ты – мой первый сон. Значит больше ко мне никогда не придёт такое сновидение.

– Не печалься, сны теперь к тебе часто будут приходить. Настоечка эта не простая, после неё долго ещё будешь по снам разгуливать. А хочешь, я тебе письмо напишу? Только дай мне свой адрес, если ты, конечно, этого желаешь.

– Ну, о чём ты говоришь, Снежана. – Виктор Сергеевич достал из чемодана лист и авто-ручку, быстро написал свой адрес.

– Ничего не напутал? – прочитывая написанное, спросила Морозова, – ведь ты же спишь.

– Нет, всё точно, буду ждать от тебя письма, с нетерпением. Самсонов поймал её руку.

– Можно поцеловать?

– Целуй, писатель, сколько угодно, если мои руки этого заслуживают.

– Почему они такие холодные? – поцеловав два раза, удивлённо спросил он.

– Я потомок снежных людей, так мне говорила моя мама, а у снежных людей всегда руки холодные.

Она наполнила стаканы и отломил кусок ливерной колбасы.

– Я «Школьницей» закушу, – отказался от колбасы Виктор Сергеевич.

А тем временем на кровати смачно похрапывала его вторая половина.

– А вы пили когда-нибудь на брудершафт? – осторожно спросил Самсонов.

– Да, пила, два раза. Один раз с Кобзоном, а другой с Кругловым.

– Это, который певец? Первый-то?

– Да, он самый, Иосиф. А второй – настройщик пианино из Кемерово, тоже хороший парень.

– Так давай на брудершафт, с Самсоновым, – предложил Самсонов.

– Давай.

Они приняли необходимые позы для исполнения брудершафта и с большим удовольствием выпили. Виктор Сергеевич хотел, было, высвободить руку, но Морозова вспомнила, что надо обязательно поцеловаться, иначе брудершафт будет не действительным. Она первая потянулась к нему для поцелуя. Он покраснел, застыдился, стал лепетать, что у него нет опыта в этих делах, но та, почти сердито сказала, что целоваться надо обязательно при брудершафте. Поцелуй длился «целую вечность», где-то около минуты. Когда Самсонов с трудом оторвался от её прохладных губ, она мечтательно произнесла:

– Какая всё-таки у тебя Клава счастливая женщина. Твои огненные губы прямо кровь зажигают. Вот чувствуешь, как моё тело загорелось?

Она взяла его руку и приложила к своему животу.

– Чувствуешь, а? Чувствуешь, как горит?

Виктор Сергеевич сосредоточился, пытаясь прочувствовать всё, коль уж представилась такая возможность. Он то холодел, то обливался жарким потом, его даже слегка знобило от внезапно подступившего возбуждения.

– Чувствую, – выдавил он из себя. – Тёплый вроде бы... живот-то.

При этом, вторая его половина в постели блаженно улыбалась во сне.

– Давай допьём и спустимся ко мне. Попросим Феоктиста, чтоб спел нам что-нибудь под настроение.

– Прямо так? – Самсонов показал на свой внешний вид.

– Прямо так. Чего здесь такого, на пляже их вон сколько голышом ходят, а нас только двое, ты да я. И к тому же, мы дома, – убедила его Морозова.

– На брудершафт больше не будем, – разливая оставшуюся настойку в стаканы и опуская глаза, предупредил он. – Я целоваться не умею. —

Выпили без брудершафта, как обычно.

- Ну, пошли, писатель. Гаси лампу.
- Я сигареты возьму?
- Обязательно, и колбасу для Феоктиста прихвати.

Они вышли в прохладную ночь, а вторая его половина в постели, съёжившись, подтягивала к подбородку одеяло.

– А совсем не холодно, – прошептал Самсонов, нащупывая босыми ногами ступеньки лестницы.

– Это потому, что ты во сне, – объяснила Снежана.

– А разве ты не во сне? – удивился он.

– Конечно, нет. У меня нет никакой второй половины, как у тебя. Сейчас сам убедишься. Я не раздваиваюсь.

– Странно, ведь ты не была вчера такой красивой, как сейчас.

– Я же тебе говорила, он просто не мог меня увидеть и понять, что свойственно для близорукого мужичка. И запомни, ты – это не он, а он – это не ты.

– Но разве можно во сне встречаться с настоящими людьми? Я же ведь сплю...

– Иметь контакты с реальными людьми куда интереснее, нежели с нереальными. Что ж это за сон, когда в нём всё нереально. Сон надо проживать так же, как и жизнь. Зачем терять драгоценное время. Порою, жить во сне куда интереснее. Можно делать всё, что твоей душе угодно, и никто твои поступки не осудит. Вот ты идёшь со мной в трусах и майке, думаешь, твоя Клавдия тебя осудит за это? Нет. Не осудит, потому, что ты во сне, а не наяву. Смотри, не оступись, здесь ступенька прогнила.

Они вошли в её комнату и включили свет. Виктор Сергеевич поразился большому количеству фотографий на всех стенах.

– Много фотографий? Объясняю. Это люди, которых я, можно сказать, спасла, вернула им чувство Реальности, – заметив его удивление, объяснила Морозова.

То, что в комнате было уютно, он заметил сразу. Она усадила гостя на диван и угостила его большим румяным яблоком. Самсонов с хрустом откусил и энергично задвигал челюстями.

– Вкусно? – спросила она.

– Как мёд. – С полным ртом, жуя, ответил тот.

– Теперь смотри, видишь, нигде моей второй половины нет, а это значит, что я не во сне. Самсонов, на всякий случай, осмотрелся по сторонам, и соглашаясь, кивнул головой.

– Как же он тебя вчера не разглядел? Вот болван...

– Разглядеть человека нелегко, – стала его успокаивать Снежана. – Человек открывается в порыве откровения или вот как ты, – во сне. Запомни, что истинная половина – это ты, а не та, которая сейчас спит наверху. Она должна подчиняться тебе во всём. Ты есть – настоящий, а не он. Ты – одухотворенная сторона. – Снежана демонстративно подняла вверх указательный палец. – Твоя вторая сторона, вымуштрованная жизнью, тебя долго обманывала. Она заключила твое «я» в тюрьму, в темную бездну собственной души и томила там твою реальную духовную сущность до сегодняшней ночи. Скажи спасибо, но не против ветра, что мы с тобой как бы случайно встретились. Но иначе б, ты духовно погиб, не ощутив таинств Жизни, исполнения волшебных желаний и мятного леденца свободы. Не забывай об этом никогда. Впрочем, свой день рождения помнят все.

Феоктист спал, держась одной лапкой за решётку.

– Феоктист, спой нам что-нибудь задушевное, – ласково попросила Снежана. Попугай в недоумении посмотрел на полуночников одним глазом.

– Рррехнулись? – и клювом показал на стенные часы, которые показывали половину второго.

– А ливерной хошь дам? – подразнила Морозова.

– Спрррашиваешь, – Феоктист открыл второй глаз.

– А песни будешь петь?

– Спрррашиваешь.

– Только так, – поставила условия хозяйка, – одна песня – получаешь порцию колбасы, другая песня – порция колбасы. Договорились?

– Спрррашиваешь, – вздохнул попугай. – Какую петь – то?

Хозяйка очень долго выбирала песню для исполнения, а тем временем Феоктист готовился к выступлению. Он важно прохаживался по клетке, заложив крылья за спину, иногда прокашливался, как профессиональные вокалисты перед выступлением. Снежана спросила у Самсонова какая у него любимая песня.

– «Степь да степь кругом...», – подумав, ответил тот.

– Заказ понятен, это, где ямщик замерзал? Сделаю. – сказал Феоктист. – Как Зыкина или как?

– Давай, как Омский Народный хор.

Попугай выдержал профессиональную паузу и запел, как Омский:

«Степь, да степь кругом...»

Потише можно? – попросил Виктор Сергеевич, – а то спящего Самсонова разбудим, – и показал пальцем на потолок. Феоктист недовольно посмотрел на него, но громкость уменьшил.

«...путь далёк лежит
в той степи глухой
замерзал ямщик...»

– Слышишь, как поет? Давай ещё выпьем. Больно уж хорошо мне стало. У меня тут винцо одно имеется, сестра когда-то с севера привезла.

Он охотно согласился, и даже обрадовался. Она налила из большой бутылки по полному граненому стакану. Вино было красное и непрозрачное. Снежана пила маленькими глоточками, оставляя на уголочках рта следы от густого красного вина. Самсонов одолел стакан одним махом и снова принялся за медовое яблоко.

– Я всё, – закончив петь, сообщил Феоктист, тем самым, напоминая, что пора бы и «расплатиться». Получив кусочек колбасы, он упрекнул хозяйку в скупости, но через минуту затребовал нового заказа. Хозяйка заказала ему «Сердце», как Утёсов, и Феоктист, подобрав нужную тональность, сильным голосом начал петь:

«Как много девушек хороших...»

– Только куплеты не пропускай.

– Ладно, – между словами в песне, ответил попугай.

«Как много ласковых имён...»

– Давай потанцуем, – предложила Снежана, нежно беря Самсонова под руку.

Они стали танцевать, шаркая босыми ногами по полу. Несмотря на то, что трусы и майка на прихмелевшем «танцоре» смотрелись нелепо, даже смешно, Виктор Сергеевич всё же был достаточно собран и по-своему пластичен.

– Можно я буду тебя называть просто Витя?

– О чём ты говоришь, конечно, можно, даже нужно.

– Витя, – она застенчиво, опустила глаза.

– Что Снежана? – Самсонов прикоснулся телом к её животу.

– Витя, ты так элегантен в танце. Мне просто стыдно быть твоей партнершей, понимаешь?

– Ну, что ты, Снежана, – дышал ей в ухо партнёр, всячески маневрируя ногами. – Твоя фигура, – это мечта всех танцовщиц. Твои волосы, плечи и всё остальное, – просто, обалдеть можно. Разве есть кто-то прекраснее тебя?

Снежана набрасывала свои чёрные длинные волосы на его голову, и они оба, шаркая подошвами босых ног, счастливо кружились по комнате.

– Помнишь, вчера та половина говорила о счастье? – спросила Морозова. Не спящий обозвал спящего идиотом и попросил больше не напоминать ему о нём.

– Я всё, – объявил Феокист.

– Давай ещё раз, эту же самую, – попросил Самсонов. Попугай пожаловался, что он вообще-то хочет кушать, и что такие трудные песни, как «Сердце» впроголодь петь очень трудно, потому, что сбивается дыхание.

«Заказчик» сунул ему здоровенный кусок колбасы и сказал:

– Будешь петь всю ночь одно «Сердце», а хорошо будешь петь, ещё столько же дам.

– Согласен-согласен, – поспешно среагировал Феокист. – Только чуррр с перрррерывами.

– Это, как хочешь, – ответил Самсонов и нежно обнял красивую, полуобнажённую женщину. Она с неудержимой дрожью в теле безропотно прильнула к нему.

– Давай ещё выпьем, – освобождаясь из объятий, предложила Снежана. – За нашу силу обоюдного желания.

Они выпили ещё по стакану красного, непрозрачного вина. В их буйных головешках закружились сказочные разноцветные карусели и они, нежно обнявшись, стали продолжать медленно танцевать. Как будто танцевальная пара фигуристов плавно скользила по бесконечному зеркальному льду в Бесконечном Пространстве Времени.

Оказавшись около кровати, она повлекла его за собой, и первая мягко легла в постель. Женские руки были слегка холодны, но её горячее дыхание обдавало, пышущую жаром, мужскую шею. Их руки всё плотней и плотней прижимали свои тела друг к другу. Мужчина и женщина, так внезапно ворвавшись аж в само Царство Любви, божественно наслаждались ею, забыв о том, что один из них соединил во Времени реальные и нереальные пространства воедино.

Виктор Сергеевич проснулся с непонятным ознобом в теле и, открыв глаза, боязливо осмотрелся. В комнате было темно, хотя небо уже начинало светлеть.

Приближалось утро. Сильно болела голова. «Ну и настоечка», – подумал он, ворочаясь в кровати и поправляя сползшее одеяло. Вскоре Виктор Сергеевич опять заснул, а Витя – другая половина, спустился по лестнице и тихо постучал в дверь хозяйки. Снежана впустила его и закрыла дверь на два больших крючка и на два засова.

– Товарищ писатель, можно войти? – услышал сквозь сон Виктор Сергеевич.

– Да-да, входите! – потирая заспанные глаза, крикнул он.

Вошла хозяйка, а вместе с ней в комнату ворвался поток свежего утреннего воздуха.

– С добрым утром. Как спалось? – спросила она.

– Спасибо, хорошо. Только видно вчера я перебрал, что-то голова побаливает.

Положив сменное постельное бельё на стул, Морозова повесила клетку с попугаем на прежнее место, посередине комнаты, и протянула Виктору Сергеевичу ключи.

– Когда будете отъезжать, предупредите Марию, и отдайте ей эти ключи. Она вон там, через два дома живёт. Ну, до свиданья, товарищ писатель. Успехов вам и сладких снов.

Она протянула руку, и Самсонов где-то внутри ощутил знакомую ему прохладу женской ладони.

– До свидания, – сказал он, некоторое время, не выпуская её руку.

Виктор Сергеевич не заметил в её слегка раскосых глазах, оттенок неподдельной грусти, не заметил, что её веки чуть припухли от прошедшей бессонной ночи. Морозова изобразила воздушный поцелуй и скрылась за дверью. Заскрипела лестница, а в его сердце что-то непонятно ёкнуло. «Странная она какая – то», – подумал он.

Самсонов выбрался из постели. Голова трещала, мышцы болели. «Ну и настоечка», – подумал он в который раз. Натянул трико и, надев тапочки, с полотенцем в руках спустился вниз. Наполнил рукомойник холодной, колодезной водой. С неохотой протрусил два круга по двору. Помахал руками и ногами, имитируя гимнастические упражнения. Потом стал умываться холодной водой, покрываясь от холода «гусиной кожей». Ледяная вода придала некоторую бодрость, и настроение слегка изменилось в лучшую сторону. На ходу вытираясь, поднялся к себе в комнату.

На лице Виктора Сергеевича выразилось большое удивление, когда он заметил на столе керосиновую лампу, попавшую сюда непонятным образом; пустую бутылку от настойки, которая вчера осталась у хозяйки; кем-то разломанный батон хлеба; два недопитых стакана; окурки. Теперь Самсонов был точно убеждён в том, что вчера он набрался по полной программе. «Значит, мы ещё здесь и пили? Да и курили... надо ж... А лампа пригодится для работы, экзотика», – подумал он.

Наведя в комнате порядок, он поставил на стол пишущую машинку. Рядом положил чистые листы. Феоктист с явным любопытством наблюдал за ним.

– Рррработать? – поинтересовался он.

– Работать-работать, мой друг пернатый, – ответил Самсонов, усердно копаясь в чемодане.

– Ррроман?

– Роман-роман, мой птенчик. Детективный роман.

Виктор Сергеевич взял в руку авторучку и склонился над чистым листом бумаги.

– Надо выбрать сюжет, – думал он, – да такой, чтоб мороз по коже.

Он стал что-то вспоминать из ранее им прочитанного, ворошить в памяти различные детективные истории, но всё смешалось в беспорядочный клубок мыслей. И идея, от которой можно было бы оттолкнуться, к сожалению, не приходила в его голову. Он напрасно давил руками свою упругую черепную коробку, напрасно машинально рисовал непонятные геометрические конструкции, напрасно возбуждённо ёрзал на стуле. (Но сюжет будущего романа знал только Феоктист, но он его выдаст только вечером. Так освободим же писателя от напрасной головолмки и отправим его отдыхать на море, так как настоящий творческий порыв придет к нему ближе к ночи.)

На берегу Самсонов разделся возле большого каменного валуна. (Это чтобы запомнить место, да и присматривать из воды за своей одеждой.) Поджимая пальцы ног, он спустился к морю по крупной гальке. Когда зашёл по колено, подумал, что водичка и не такая уж и теплая. Погрозил бултыхавшейся у берега детворе, которая намеренно пыталась обдать его брызгами. Собрав всё своё мужество в одном месте, Виктор Сергеевич всё-таки опустился на колени и, фыркая как морж, опираясь на руки, пополз в глубину Чёрного моря. Вскоре тело привыкло к температуре воды, и он ощутил себя в ней, как большая рыба. Самсонов неоднократно пытался сделать стойку на руках, несмотря на то, что в нос заливалась вода. Плавал многими стилями, правда, только передвигаясь по дну ногами, но зато уж стили все перепробовал, и брасом и кролем, «щучкой» и на спине, по-всякому наплавался. (Мы на море не часто ездим, но коль оказался на море, – плавай, ныряй, делай всё с запасом и впрок). Надув щёки Самсонов

сидел под водой, отмечая в себе неплохие качества ныряльщика. Досыта накупавшись, Виктор Сергеевич стал загорать, не забыв прилепить на нос солнцезащитную бумажку.

Вокруг лежали люди с закрытыми глазами и неестественно откинутыми головами. У некоторых лица уже были прикрыты выгоревшими газетами, у некоторых мокрыми полотенцами. Загорающие лениво меняли позы для более эффективного солнечного обжигания и вяло переворачивались на лежаках. Они тяжело дремали под монотонный шум прибоя. Возле спящего полусгоревшего тела раскаленный на солнце транзистор сообщал последние новости. Кто-то пил тёплое пиво, а кто-то, наблюдая, думал: «Пивка бы». Между загорающими пробирався фотограф с потным лицом, обвешанный надувными игрушками. Уставший от жары, он уже не предлагал своих услуг. Да и так было видно, что фотограф никого не интересовал. В воде пожилой мужчина по-детски заигрывал, по-видимому, со своей женой. Он подныривал под неё, а она понарошку испуганно повизгивала, размахивая длинными тонкими руками, как бы отбиваясь. Муж выныривал, издавал угрожающий крик морского чудовища, затем погружался снова, при этом, с шумом выпуская воздух из непонятного места. Им было весело и свободно в необъятной фауне южного моря.

Дети лежали на животиках на берегу моря, и шлёпая ножками о набегающую волну, строили перед своими носами замысловатые песчаные замки. Четверо парней раскачивали над водой длинноногую визжащую рыжую девицу. Они дружно забросили её в воду, и та сразу притихла. Раскалённая галька жгла ступни желающим пойти охладиться в водичке. Они смешно поджимали ноги, и не выдержав, с воплями, вприпрыжку, бежали до самого Чёрного моря. Прошёл трёхпалубный прогулочный теплоход и все загорающие, в предчувствии большой волны, словно сговорившись, разом поползли в воду.

Виктор Сергеевич проглотил слюну, когда рядом стали ломать варёную курицу и нарезать колбасу. Он поспешно оделся и помчался в ближайшее кафе. Взял комплексный обед, который, на его взгляд, оказался прямо-таки съедобным. Плотненько пообедав, посидел на лавочке в тенистой аллее возле кафе.

Самсонов с детства любил стрелять в тире. И сейчас, зайдя в него, купил двадцать зарядов. Рядом, стрелял упитанный малец лет десяти. Позади него в покорном ожидании стояла, видимо, его бабушка – пышная толстощёкая дама в белой панаме и в огромных шортах.

По логике её шорты должны были вот-вот пойти по швам, потому, что они не были предусмотрены для такого избытка человеческой массы. Малец, целясь, поправлял сползавшие на нос очки с толстыми линзами и, зажмурившись, давил на спусковой курок. Раздавался выстрел, от чего дама в шортах издавала поросычий, восторженный возглас и театрально хлопала в пухлые ладошки. И так повторялось после каждого выстрела. Хозяин тира несколько раз просил мальчика не целиться в него, а целиться в фигурки на стенде.

Самсонов, получив винтовку с прицелом «под яблочко», занял боевую позицию. Два раза сбил зелёного попугая, так как его прицельный пятачок был крупнее остальных. Три раза пытался сбить самолёт, который, при падении должен «взрываться», но, решив зря не портить патронов, открыл ожесточённый огонь по тому же самому зелёному попугаю. Тирщик с ватой в ушах уже дремал на своём стуле. Отстрелявшись, Виктор Сергеевич продолжил приём солнечных ванн на пляже. Закончив с ваннами и покушав в том же кафе, он направился домой. По дороге, он мысленно настраивал себя на предстоящую работу по созданию сенсационного детектива.

Наступающий вечер напомнил о себе резким спадом дневной духоты. Застывший знойный воздух быстро заполнился свежестью, и укрывшиеся от жары птицы стали вылетать

на воздушную вечернюю прогулку. Белохвостая сорока, прилепившись на кончике колодезного журавля, так растрещалась, что Самсонов не выдержал и запустил в неё большим земляным комом. Та, на лету, оборачиваясь в его сторону, выпалила на сорочином языке, видимо, какие-то ругательства.

– Растрещалась тут, – пробурчал Виктор Сергеевич, поднимаясь по ступенькам лестницы.

Самсонов хотел, было, покормить Феоктиста, но колбасы в холодильнике не оказалось. Потом, заметив в клетке остатки от ливерной, он пришёл в изумление. «Как же он смог её стащить? Может, клетку наловчился открывать?»

И надо ж, целый килограмм колбасы проглотил, – размышлял он.

Осмотрев клетку со всех сторон, он удивился ещё больше, – «тут её и человеку не открыть».

– Как же ты умудрился колбасу своровать? – спросил у Феоктиста Самсонов.

– Не воррровал, сам давал.

– А ты оказывается и врун.

– Не вррун, не вррун, сам давал.

– Но ладно, дятел, от тебя правды не добьёшься.

Как оказались остатки колбасы в клетке? – Это для Виктора Сергеевича так и осталось загадкой. «Уж не возвращалась ли хозяйка? Может быть, у неё есть второй ключ?» И решив, что так вполне могло и быть, он не стал зря ломать себе голову на эту тему. Но прожорливость Феоктиста не переставала удивлять Самсонова. – «Надо ж, целый килограмм сожрал. Скажи, ведь никто не поверит».

Виктор Сергеевич переоделся. На улице начинало темнеть, и он включил свет. Сел на стул, но сразу почувствовал, что на этом стуле сидеть не комфортно и потому заменил его на другой. Он вставил чистый лист в машинку и начал печатать: «Виктор Самсонов». (Название пропустил). «Роман – детектив». Ниже – «Крым. Посёлок Планерское». Вернувшись к названию, задумался: «Хотя бы от него оттолкнуться».

– «Крррымский Варрриант», – неожиданно выпалил Феоктист. Автор будущего произведения хотел было отругать его за болтовню, но потом, задумавшись, про себя отметил: «А что, – неплохая мысль».

– «Крымский вариант», говоришь? Так и напечатаем: «Крымский Вариант». Почаще б так подсказывал, я тебя такой бы колбасой кормил...

Попугай быстренько сообразил что к чему и ответил, что он вполне согласен, но попросил показать колбасу. Узнав, что её нет, он напомнил про соловья, которого баснями не кормят. Виктор Сергеевич дал ему честное слово, что завтра с утра непременно купит хорошей колбасы. Феоктист решился поверить на слово и согласился принять участие в создании детектива.

Писатель сначала удивился неестественной словоохотливости попугая, но, вспомнив про вчерашнее «яблочко» и про то, что, как и люди, птицы могут быть вундеркиндами, где-то стал соглашаться с его фантастическими птичьими способностями.

– Пиши, – сосредоточившись, сказал попугай.

Писатель весь обратился в слух и поднял руки над пишущей машинкой, как пианист в ожидании взмаха дирижера.

– Ррровно в полночь человек в черррном вышел из подъезда.

Самсонов ударил в клавиши. – Зазвучали первые тревожные нотки будущего произведения.

– Деррржа пррравую ррруку в карррмане, он затаился в кустах около соседнего дома.

Щёлкала пишущая машинка. Феоктист медленно и разборчиво диктовал текст. Иногда писатель пытался не соглашаться с Феоктистом, но тот начинал обижаться и шумно сопеть носом. Самсонов пообещал, что больше не будет влезать в сюжет, и по возможности не влезал. Старался печатать без ошибок. Феоктист в самом начале детектива вставил кровавое убийство. Убивали долго и упорно, до тех пор, пока жертва не перестала кричать и дышать.

События разворачивались невероятно напряжённо и таинственно. Печатая, Самсонов иногда изумлённо поднимал брови, тем самым, показывая, что он восхищён внезапным поворотом мысли. «Неплохо бы такого башковитого попугайчика заиметь, ведь с ним таких гор можно наворотить». – Мелькнула в голове коммерческая идея.

Часов в двенадцать ночи у писателя стали тяжелеть веки. От невнимательности начали появляться нелепые ошибки.

– На сегодня хватит, – сказал он, позёвывая. – Пора отдыхать. Впереди ещё целый месяц работы.

Феоктист спросил:

– Можно попробовать на машинке?

Но Виктор Сергеевич отказал, пояснив, что на машинке печатать разрешается только людям. Попугай обиженно отвернулся.

Самсонов съел две конфеты с хлебом, постелил кровать, разделся, выключил свет и, воодушевлённый творческим успехом, юркнул под одеяло. Феоктист, ощутив подступившее одиночество, начал рассказывать какую-то историю, которая приключилась с ним ещё в прошлом веке, а Виктор Сергеевич под монотонный голос попугая, незаметно провалился в сон.

Минут через десять сознание чётко ощутило приближение сновидения. Боясь разбудить спящего, не спящий встал, легко отделившись от спящего, как бы, вышел из него. Постоял, к чему-то прислушиваясь. Подойдя к двери, осторожно открыл её. В комнату вошёл большой белый кот. У порога он немного постоял, осмотрелся, и ленивой походкой проследовал к столу. Не спящий зажёл керосиновую лампу. Январь, крутя головой, озирался, делая вид, что здесь оказался впервые. Самсонов бросил ему кусок хлеба. Тот брезгливо посмотрел на подачку и ловко отфутболил её передней лапой. Потом он запрыгнул на стул и стал приводить в порядок свою усатую морду. Январь лизал алым языком лапу, а потом старательно тёр ею свои пушистые щёки.

Не спящий осторожно поправил одеяло, сползшее со спящего. Затем внимательно посмотрев на свою другую половину, вдруг заметил, что перед ним лежит человек с незнакомым ему лицом. Он хотел, было, его разбудить и прогнать из дома, но передумал: «Я ведь во сне, а во сне, наверное, всякое может быть. Может быть, это я и есть».

Кот удивлённо посмотрел на незнакомца – чудака, который, стоя на коленях, сосредоточенно рассматривал лежащего в постели человека.

– Давай картошку варить, – вдруг услышал Самсонов. Нет, он не услышал, а почувствовал чей-то голос. Испуганно обернувшись, он увидел огромные раскосые кошачьи глаза.

– Спокойно, это я говорю. Не удивляйся, я разговариваю глазами, это куда удобнее, чем болтать языком, – говорил его взгляд. – Не обращай внимания, что при моей речи рот не открывается, скоро привыкнешь. Я, вообще-то, иногда не прочь поболтать с людьми. Так что можешь, смело разговаривать, как бы сам с собой, а потом, как я говорил, привыкнешь.

– Как тебя зовут? – спросили хитроватые кошачьи глаза.

– Виктор Сергеевич Самсонов, – одиноко прозвучал его сдавленный голос.

– Значит Виктор. Меня зовут Январь, – представился кот.

По началу Самсонов ловил себя на том, что разговаривает сам с собой, но с каждым разом, внимательнее всматриваясь в раскосые глаза кота, убеждался, что глаза посылают ему информацию, как бы, говорят понятным, но неслышим для его уха «языком». Такого способа общения человека с котом Виктор Сергеевич никогда не знал и некоторое время в этой «игре» чувствовал себя неуверенно, как новичок.

– Виктор, давай картошки сварим, – предложил Январь. Тому так не хотелось возиться с картошкой, но, ощутив подступивший голод, принялся за приготовление. Промывая клубни, он думал о Снежане, сейчас ему так её не хватало. Вспомнилось сладкое вино, красное и непрозрачное. Захотелось выпить. Захотелось ощутить таинственной прохлады её рук. Захотелось неземной теплоты её тела. Оторвавшись от сладостных мечтаний, Виктор Сергеевич заметил, что кот запросто расхаживает по комнате на задних лапах. Удивился, но, вспомнив про цирк, почему-то спросил:

– Давно научился на задних-то?..

– Да уж давненько. Сначала долго не получалось, равновесие не мог удержать, а теперь вот, как на четырёх, так и на двух. А ты на четырёх можешь?

Самсонов тихонько хихикнул в кулак. Проснулся Феокист. Потирая крыльями заспанные глаза, обратился к полуночнику:

– Ты с кем разговариваешь?

– С котом, – ответил тот, показывая на кота.

– А в кровати кто? Любовница?

– Тоже скажешь, в кровати, это я. Кому же там быть?

Попугай сочувственно посмотрел на молодого белиберду полуночника и снова погрузился в сон. Видимо, глаза Января Феокисту никогда ни о чём не говорили.

А странное поведение Виктора Сергеевича показалось ему далеко не здоровым. Если посмотреть со стороны, так, как это видел попугай, то всё выглядело следующим образом: кот молча смотрел на Самсонова, а Самсонов говорил ему что-то бессмысленное.

– Я вчера ночью в окно всё видел, как вы с моей хозяйкой нализались. Да и видок у вас был не ахти какой... А небось дома жена?

Виктор Сергеевич даже покраснел, но потом подумал, что перед ним лишь обыкновенный домашний кот и грубо ответил:

– Мы – люди. И перед вами за свои поступки отвечать не собираемся. Жена – есть жена... и вообще, – не кошачье это дело. В окно он, понимаете ли, подсмотрел. Ишь какой..., мало ли кто чем занимается, да притом ночью. Сразу, жена. Спать надо ночью, а не в окна подглядывать....

– Ну вот, понесло. Опять коты во всём виноваты, – пробурчал Январь. – Коты всегда за людьми подсматривают. Там подсмотрят, тут подсмотрят, на ус намотают. И запомни, коты никогда сплетни не разносят. Все тайны в себе держат.

– Ага, значит, вот ты чем занимаешься, котяра. Я-то думал, что зверье оно честное, – наступал Виктор Сергеевич.

– Принцип жизни у котов такой. Больно уж интересно за вами, за людьми, через окошко понаблюдать. Потешные такие вы, люди. Но не беспокойся, брат. Кот – сущность порядочная, что увидел – то и в могилу с собой унёс.... Насчёт могилы, это такая человеческая пословица есть, но она, мне кажется, больше нам подходит. Бывает, подслушаешь какой-нибудь разговорчик, аж уши в трубочку заворачиваются. Так вот подумаешь своими кошачьими мозгами: на что вам людям речь дана, чтобы так друг друга грязью обливать? От языка должна быть польза, а у вас всё наоборот. А то, что кот подсмотрел, это не беда. Увидеть-то увидел, а вот сказать не можем... такие вот дела...

Январь в задумчивости почесал за правым ухом и чуть заметно вздохнул.

Самсонов первый раз в жизни интеллигентно выругался, схватившись за горячую крышку кастрюли.

– А ведь никогда не ругался, – про себя отметил он.

– Ты писатель? – спросил кот.

– Какой я к чёрту писатель, вон тот из себя писателя корчит. – Виктор Сергеевич кивнул в сторону кровати.

– А кто он такой?

– Я.

– Не понял. А кто же ты?

– Я – это он.

Кот, переваривая услышанное, долго чесал за правым ухом и не мог понять логики.

– Что-то не пойму. А почему ж вас двое живут в одном теле?

– Когда всё наяву, я и он, это один и тот же человек. А когда всё во сне, как сейчас, то мы становимся совершенно разными людьми. Теперь понимаешь?

– С трудом, но, кажется, начинаю понимать. Завернул однако ж ты...

– Хорошо бы навсегда остаться во сне, подперев кулаком подбородок, мечтательно произнёс Виктор Сергеевич.

– Лёгкой жизни ищешь, да?

Этот кошачий вопрос положил Самсонова на лопатки. Ему даже стало стыдно за себя перед первым встречным четвероногим.

Кот, закручивая усы, на задних лапах ходил по комнате. Иногда он закладывал за спину передние лапы, и чтобы что-то сказать, останавливаясь, заглядывал в глаза собеседника. Виктор Сергеевич заметил, что глаза у Января разные по цвету. Один – зелёный, другой – голубой. Зелёный – хитрый, голубой – мудрый. Соединение этих двух качеств и определяет неадекватный взгляд кота на нашу жизнь. Январь начал хвастаться, как в прошлую ночь он уложил двух здоровенных крыс.

– ...Правда одна успела схватить, стерва... – Он, выпятил нижнюю прокусанную губу, показывая:

– Видишь, как вцепилась, еле оторвал. До сих пор, знаешь, как щиплет? Но ничего, я им за эту прокусанную губу все рёбра переломаю, принцип у нас такой: уничтожать нашего вечного врага. Мы – коты всю жизнь за мышами и крысами гоняемся. Лично мне они до фонаря, понимаешь? Но как увижу кого-нибудь из них, внутри загорается огонь непримиримой войны, ничего не могу с собой поделать, как дурак ношусь за ними... видимо, это зов предков.

– А зачем вам этот принцип? Еды то вокруг полно.

– Ну что ты Виктор? Разве может настоящий кот обойтись без принципа? Кот без принципа, это не кот. Так, наверное, и у людей?

Самсонов по-дружески положил руку на загривок собеседника и задумался на тему принципа.

– Ку-ка-ррре-ку! – Неожиданно громко прокричал во сне Феоктист.

От чего, не спящий Виктор Сергеевич непроизвольно сжался в комок и в одно мгновение с молниеносной скоростью метнулся к кровати, чтобы воссоединиться со своей второй половиной.

– Что-что? – не понял Феокист.

– Что слышал. – Самсонов начинал нервничать. «Да-а, видок у меня неважный», – посмотрев на себя в зеркало, заметил он. Поставил кипятить воду для чая.

Настроение было на нуле. Слабость в теле после димедрола не позволила ему сделать утреннюю зарядку. Дрожа всем телом, кое-как умылся ледяной колодезной водой. За чаем попугай напомнил про обещание, – насчёт колбасы, на что Самсонов ответил, что он всегда сдерживает свои обещания.

Утреннее ласковое солнышко настроение в лучшую сторону не прибавило. Щебетавшие птицы не ласкали слух. Войдя в магазин, Виктор Сергеевич встал в длинную очередь, чтобы сдержать своё слово перед Феокистом. Он стоял долго и упорно с шумом в голове и со слабостью в коленках. Купив килограмм «любительской», вспотевший, он выбрался на улицу. Хотел, было, погулять по посёлку, но передумал. Решил полежать в кровати, отдохнуть.

Феокист с аппетитом уплетал колбасу и с набитым клювом делился своими соображениями насчет сюжета детектива. Самсонов лежал поверх одеяла и тоже жевал «любительскую», но его мысли кружились вокруг обступивших его странных обстоятельств. Январь сидел возле пустой кастрюли и, вздыхая, смотрел на неё печальными разноцветными глазами. На душе Виктора Сергеевича тоже было печально. Его безразличный взгляд застыл в одной точке на грубо покрашенном потолке. Захотелось домой. Загрустил по Клавдии так, что даже проронил скупую слезу.

В дверь тихо постучали.

– Да-да, входите.

Вошёл худой человек, лет сорока, с синими болезненными кругами вокруг глаз. На нём была помятая, выгоревшая рубашка, застёгнутая до последней верхней пуговицы. Такие же выгоревшие спортивные трикотажные брюки, вытянутые на коленках. На ногах – полуразвалившиеся красные кеды огромного размера. На голове – странно выстриженные волосы.

– А где мама? – спросил человек.

– Какая мама? – не понял Самсонов, с интересом разглядывая незнакомца.

– Моя мама.

– Снежана Морозова? Хозяйка дома?

– Ага, – ответил тот, то и дело, застёгивая и расстёгивая одну и ту же пуговицу на рубашке.

– Вы её сын? – спросил Виктор Сергеевич, в уме прикидывая, почему ж так молодо выглядит Морозова?

– Нет, она моя мама. А там ещё двое со мной, они тоже к маме пришли. Можно закурить? – спросил незнакомец, показывая на сигареты.

– Пожалуйста, курите.

Тот подкурил фильтр и жадно затянулся.

– Хороший табак, из Японии привёз?

– Нет, я не был в Японии, позавчера в магазине купил, «Золотой пляж» называется, разве не видите? – раздражаясь, ответил Виктор Сергеевич.

– Вижу, – ответил человек. – но я не верю в то, что написано, потому и читать разучился.

Самсонов подумал, что его разыгрывают, но было непонятно, почему этот незнакомец решил вдруг над ним поиздеваться. «Ничего себе, сынок», – мелькнуло в голове. «На вид – ровесник своей матери».

– Мы будем там внизу жить, – сказал человек, постучав ногой об пол. – Будем свою маму дожидаться. Когда она придёт?

– Она уехала к сестре на север и приедет в начале зимы.

– О-о, так это ж скоро. Посидим, подождём. Хочешь, посидим вместе?

– Так я сказал, в начале зимы, – округлив глаза, повторил Виктор Сергеевич.

– Ну и что, ведь зима короткая, – горячо возразил незнакомец, так же удивлённо уставившись на Самсонова.

– К чему эти шуточки, гражданин? Если вы – сынок хозяйки, то это не значит, что со мной можно так шутить.

– А в Японии все так разговаривают и не обижаются. Я вчера чуть не попал в Японию, это тут, недалеко, но там никто не обижается. Честное пионерское. И человек, встав по стойке смирно, отдал пионерский салют. – Пойдём, познакомлю с моими братьями.

Виктор Сергеевич нехотя сунул ноги в тапочки и поплёлся за ним. «Ну и сынок, сумасшедший какой-то». Спустившись с лестницы, он увидел ещё двоих. Они молча крепко пожимали друг другу руки.

– Что они делают? – спросил Самсонов.

– Знакомятся.

– Братья, и знакомятся?

– Пока сюда добирались, вот они и позабыли друг друга, а теперь вот знакомятся. Да, чуть не забыл, меня зовут Ваня. А тебя не Ваней зовут?

– Нет, я Виктор Самсонов. Почему я должен быть Ваней.

Манера поведения Вани всё больше и больше начинала раздражать Виктора Сергеевича. «Ведёт себя так, как будто перед ним мальчишка».

– Лома, – сказал один из двух, стеснительно опустив глаза. Он протянул Самсонову свою узкую, бледную ладошку.

– Что-что? – не понял тот.

– Лома, – ещё более сконфузившись, пролепетал незнакомец.

– Да Рома он, – пояснил Ваня.

Теперь стало понятно, что худенький, стеснительный человек, лет тридцати, не выговаривал букву «р».

– Виктор Самсонов, – неохотно представился он, пожимая мягкую, потную ладошку. Третий незнакомец сказал, что забыл своё имя и как только вспомнит, обязательно его назовёт.

– Мне, кажется, его зовут Аполлоном, или Апостолом, – шепнул на ухо Ваня, – но парень он хороший.

Виктор Сергеевич никогда не встречал людей, которые забывали бы свои имена. «Это просто, какая – то галиматья, – брат не знает, как зовут его брата. Видимо решили меня разыграть». Тот, который Аполлон или Апостол, уж никак не мог претендовать на роль сына Морозовой. – Это был крупный мужчина, правда, не пожилого возраста, с крупным мясистым лицом, на котором было уделено много места для розоватого кабаньего носа. На рыжей голове, подстриженной под «полубокс», довольно отчётливо выделялись неровности черепной коробки. Он был одет в женскую кофточку в горошек с короткими рукавами и с выточками, казалось, что кофточка на нём вот-вот разойдётся по швам. Защитного цвета галифе и резиновые калоши дополняли композицию его «наряда».

«Откуда вдруг взялись, эти странные сыночки? Хозяйка не говорила о них ничего, наверняка скрывала. А может они – приёмные? Да и как мать она для них молода, особенно для этого рыжего сыночка и Вани.

– А здесь волков нет? – робко спросил Рома, – показывая в сторону болота.

– Нет, – неуверенно ответил Самсонов, – откуда им здесь взяться.

– Вам холошо, вы высоко живёте, вас бандитам тлуднее убить. А нас могут ночью пелебить, потому что мы внизу будем жить. Возьмите меня к себе, я не буду баловаться. А если, вдруг чё, то можете и лемнём, я не обижусь. Возьмите, а? – и Рома с надеждой заглянул в глаза Виктора Сергеевича.

Ответ последовал такой:

– Мне не жалко, но понимаешь, Рома. Я роман пишу. А человеку творческому необходимо работать одному.

Тот, тяжело вздохнув, опустил худые плечи.

– Так я и знал, но мы с вами тёзки. – В его глазах опять мелькнула искорка надежды.

– Какие же мы тёзки?

– Вы сказали, что ломан пишете, и я Ломан. Значит, тёзки.

Виктор Сергеевич даже рассмеялся, и как можно популярнее разъяснил, что роман – это не человек, а форма литературного произведения.

– Значит, я не человек, а фолма. Я то и не знал. – Самсонов непонимающе посмотрел на него и, сдерживая своё раздражение, как можно спокойнее, ответил:

– Имя Роман пишется с заглавной буквы. Роман с маленькой буквы – это форма произведения. Теперь понятно?

– Понятно, значит, я – с большой буквы. – Рома стеснительно заулыбался. – Спасибо. Дай бог вам здоловья.

Тот, которого звали, то ли Аполлоном, то ли Апостолом, задумчиво ковырял пальцем в правом ухе. Придурковато открыв рот, он, не мигая, смотрел в сторону яркого утреннего солнца. – Видимо вспоминал своё имя.

– Вспомнил! – вдруг заревел рыжий. – Я же бог красоты!

У меня даже документ раньше был! Метрики.

– Значит, его зовут Аполлоном, если он «бог красоты», – отметил Виктор Сергеевич, с любопытством разглядывая совсем не пожилого сына Снежаны Морозовой.

– А сколько тебе лет?

У того с лица моментально сбежала радостная улыбка. Он задумался, от чего на лбу резко обозначились старческие морщины.

– Вот сколько, – сказал неуверенно Аполлон, показывая на одной руке четыре пальца, а на другой два.

Самсонову надоело участвовать в этой комедии и он, сняв с гвоздика ключ, открыл дверь комнаты Морозовой. Войдя, удивился: «Откуда мне это всё, вроде бы как, знакомо? Стены, обвешанные фотографиями, стенные часы, диван, два пустых стакана с осадками красного вина, недопитая бутылка». Когда взгляд дошёл до кровати, в душе Виктора Сергеевича что-то шевельнулось. «Откуда же мне всё это знакомо? Я никогда не заходил в эту комнату». Как и на странные предыдущие обстоятельства, он не смог найти окончательного логического объяснения. Ему показалось, вернее, промелькнуло подозрительное чувство: «уж не слишком ли много скопилось этих странных обстоятельств за такой короткий срок?» А они появлялись, и застывали перед ним в виде огромного, неприступного вопросительного знака.

– Располагайтесь, – сказал Самсонов, – только двоим, придётся спать вместе.

– Чур, я на полу! – обрадовано объявил Аполлон.

– Нет, я!

– Нет, я!

Они стали спорить, кому спать на полу. Рома в споре получил несколько подзатыльников от Вани. Потом они решили применить детскую игру «считалку», но, выяснив, что никто из них не умеет считать, уступили место на полу самому старшему, – Аполлону. Тот расцеловал своих братьев и, не раздумывая, развалился посреди комнаты. Ещё он сказал, что через него надо перешагивать.

Виктор Сергеевич даже испугался столь странному поведению этих людей и поспешил побыстрее избавиться от них, но, уходя, услышал робкий голос Ромы:

– А вы нас не будете пугать?

– Нет-нет, – поспешно ответил он и облегчённо выдохнул, когда захлопнул за собой дверь. «Ну и сыночки. Где она таких придурков откопала? Дебилы. Не хватало, что б я ещё их и пугал. Надо ж...»

Самсонов решил пойти к морю, малость развеяться. Спускаясь по лестнице, заметил кота, который расположился на колодезном срубе. Он внимательно смотрел в глубину колодца, не обращая внимания на проходившего мимо Виктора Сергеевича. Но зато, за Самсоновым из окна пристально наблюдали большие глаза Ромы, полные необъяснимой тревоги и застывшего страха.

То, что творилось в голове у Виктора Сергеевича, описать трудно. Там всё так запуталось, так заплелось, что не распутать и не расплести. А тут ещё объявились, как снег на голову, Морозовские сыночки.

Несмотря на то, что солнце уже припекало, Самсонова пробирает нервный озноб. Оказавшись на берегу моря, он не стал раздеваться, а о водных процедурах и думать не хотелось. Присев на горячий камень, он уставился на линию морского горизонта.

Какой-то полный человек с потным, квадратным лицом, устроился рядом и, пыхтя, стал стаскивать с себя брюки.

– Чего не загораешь? Смотри, как палит, – сказал он, показывая на солнце.

– Я болею, – нехотя ответил Виктор Сергеевич, не отрывая взгляда от горизонта.

– А-а, тогда конечно, – согласился толстяк, направляясь к воде в допотопных сатиновых плавках с беленькими завязочками на боку.

– Неужели нормальные плавки купить не может? – подумал Самсонов.

Чей-то транзисторный приёмник, до хрипоты в динамике, взорвался маршем «Прощание славянки», и сразу несколько нетрезвых голосов фальшиво подхватили мелодию. Самсонов немного воспрянул духом. Правой ногой, непроизвольно, стал отстукивать ритм марша. «Пойду покачаюсь на качелях», – подумал он и направился в парк отдыха. Покачаться не пришлось, парк был, к сожалению, закрыт. Захотелось горячих блинов. Постояв полчаса в очереди, блинов не поел, кончилось тесто. Люди, не получившие блинов, просили замесить тесто, но им ответили, что кончилась мука, а без муки они не могут замесить, но непременно замесят, как только подвезут муку, а когда подвезут, – не известно. Такой ответ оказался внушительным, и очередь быстренько разошлась.

Виктор Сергеевич проводил время хаотично, как ему вздумается. – Сидел на лавочках, пил газировку, рассматривал витрины газетных киосков, читал всякие объявления, подходил к длинным очередям, интересуясь, что продают, иногда, незаметно, тайком рассматривал красивых, загорающих женщин, вздыхая, собирал на берегу камушки и бросал их в море, при этом загадывая нелепые желания, как в детстве.

Под вечер народ потянулся с моря. Самсонов, облизывая таявшее мороженное, со свёртком в руках тоже шёл домой. Он на время позабыл о внезапно нагрянувших «сыночках», о котках и петухах, о вареной картошке, о комнате Морозовой, которая показалась ему очень знакомой, и о мрачном утреннем настроении. Мимо проносились местные байкеры на переделанных «Явах» под «Харлей Девидсон». Проезжали автомобилисты «частники» с перегруженными верхними багажниками. Один «частник» остановился и спросил:

– Как проехать на «Судак»? – Виктор Сергеевич сказал, что он не местный и зачем-то извинился. Частник улыбнулся и сказал:

– С кем не бывает, – и поехал дальше в поисках какого-то Судака.

Низко над посёлком пронёсся «Ту-134». Многие посмотрели на него и подумали: «Вот так вот и мы полетим».

Проходя мимо танцплощадки, обнесённой высокой кирпичной стеной, услышал, как настраиваются музыканты:

– Раз, два, три. Раз, два, ... Дай ревера! Раз! – Искусственное эхо послушно ответило:

– Раз! Раз! Раз! ...

Какой – то музыкант упорно просил дать «ля», и видимо ему кто-то дал «ля», потому, что он больше его не просил. У музыкантов что-то часто свистело, трещало и падало. А какой-то грубый голос со злостью требовал ревера. «Странное слово», – подумал Виктор Сергеевич, – «наверное, какое-нибудь иностранное и что же оно означает?»

Впереди шли трое, видимо спортсмены, потому, что они вот-вот должны были лопнуть от перекаченных мускул. Спортсмены никому не уступали дорогу. Дорогу уступали им. Виктор Сергеевич широко расправил плечи и зачем-то выпятил грудь, ну чтобы не выглядеть на фоне «гераклов» убожеством природы. Те свернули в переулок и он, облегчённо опустив плечи, с шумом выдохнул.

Подойдя к калитке, Самсонов как-то сразу изменился в лице и тяжело вздохнул. Опять дурные мысли полезли в голову. Вспомнилось довольно странное поведение сыночков Морозовой. И тут он содрогнулся от неожиданной мысли: «А вдруг, они бандиты».

В памяти всплыл рассказ шофёра «газика» о трёх бандитах, – «но тех, вроде бы поймали», – успокоил он себя. «Тем более, меня убивать незачем, что я, богатый?» – Эта мысль показалась ему вполне разумной и он немного успокоился. Около дома никого не было. Он бесшумно проскользил по лестнице и поспешно закрыл за собой дверь на задвижку.

Феоктист разговаривать не хотел. Видимо был голодный и сердитый. Отворачивал глаза. Когда он получил колбасу, то принципиально, некоторое время, не прикасался к ней, правда, только сглатывал слюну и косился на соблазнительный кусок. Но потом, плюнув на обиду и гордость, стал с жадностью набивать свой пустой желудок, придерживаясь мудрой поговорки: «на кого, на кого, а на еду не обижаются».

(Последующие три дня я описывать не стану, так как, для меня они особого интереса не представляли, но на четвёртый день, когда Виктор Сергеевич дописывал вторую главу «Крымского варианта», случилось нечто интересное, о чём я сейчас и расскажу вам).

В 23.45, не исключено, что часы могли и врать, Феоктист заметил, что его соавтор по созданию романа, начинает отстукивать на машинке всё медленнее и медленнее и всё чаще клевать носом.

– Эй, слушай, кому это надо? Не спи, дорррогой. Ты же авторрр. Я тут, как дурррак старрраюсь ррради чужого гонорррррра, а он тут засыпает, понимаете ли, над собственным сочинением.

«Писатель» посмотрел на попугая сонными глазами и пообещал ему половину будущего гонорара. Но Феоктист сказал, что если бы гонорар выглядел не в виде денег, а в виде колбасы, то был бы очень доволен таким вознаграждением. И тот пообещал ему 25 кг. «Любительской». Попугай радостно захлопал крыльями, тем самым бурно выражая свою благодарность. Порывался даже расцеловать Самсонова.

Виктор Сергеевич удивлялся, что, так называемые, сыночки за эти три дня ни разу не попадались ему на глаза, за исключением глаз Ромы, которые всё это время он видел, проходя мимо их окна. «Что они там засели, может, прячутся от кого-то?»

Ровно в ноль часов, лёжа в постели, Самсонов думал о том, о сём. Рядом на стуле лежали спасительные таблетки снотворного, так, на всякий случай. Феоктист с закрытым клювом, тихонько напевал что-то грустное на иностранном языке, похожим на китайский. Монотонно урчал старенький холодильник «Саратов». Внизу не спали. Там о чём-то в полголоса возбуждённо говорили. Кто-то шумно шмыгал носом и всхлипывал. «Чего им не спится?» Вскоре Виктор Сергеевич стал разбирать некоторые слова и фразы из их полуночного разговора. Когда попугай перестал гундосить и заснул, Самсонов полностью обратился в слух и начал произвольно подслушивать. Человеческое любопытство, – ничего тут не поделаешь.

Снизу доносилось:

– Ваську надо украсть, а то его зарежут и поделят.

Самсонов по голосам определял, кто говорит. «Это Ваня».

– ... он наш брат, – продолжал Ваня, – и мы должны его честно разделить между собой. Рома, всхлипывая, лепетал про свой страх при виде крови и предупреждал, что при разделе брата будет сидеть под кроватью, закутавшись с головой под одеялом.

– Когда его будут резать? – прозвучал простуженный голос Аполлона.

– Точно не знаю. Из Японии сказали то ли позавчера, то ли послезавтра на рассвете, на зорьке. Они ему укол сделают. У врачей ножки знаешь, какие острые? Чик-чик и готово. Вот они и оформили его в хирургию, потому, что он золотой. Хитрые. Я же с ним в одной палате лежал, он мне во всём признался.

– Да, столько золота упускать нельзя, – рассудил Аполлон.

– Завтра днём потренируемся, а в ночь пойдём на «дело».

На «дело» Рому решили не брать. Решили привязать его к кровати и закрыть на замок, а то может всю операцию провалить со страху.

По спине Виктора Сергеевича пробежал жутковатый холодок. Подслушанный им диалог ввёл его в жуткое состояние. Стало страшно. Он, дрожа всем телом, сжался в комок. «Кого воровать? Кого будут резать? Какие врачи? Какой золотой брат Вася? Или я схожу с ума или они...»

А братья тем временем продолжали свой разговор:

– Его лучше распилить, ножом будет долго, – рассуждал Ваня.

– Но он будет кличать и плакать, – сквозь слёзы картавил Рома. – Дядька навелху всё услышит.

– При распиле мы ему рот заткнём, не пикнет. Пилу я нашёл, под диваном, удобная, с деревянной рукояткой. Голову-то сразу отпилим, тогда ему нечем будет кричать, – хохотнув, продолжал Ваня.

– Жалко лезать Васю, он ведь живой, – не переставая рыдать, возражал Рома.

– Если не мы, то они это сделают. Пусть лучше мы будем богатыми, с нами тогда здороваться станут. А нашей маме золотую руку оставим, на память, – многозначительно заявил Ваня.

– В холодильник положим, – предложил Аполлон.

– Золото не портится, – пояснил Ваня.

– А может он не золотой, а подделка? – Это был голос Аполлона. – Нет, он сам говорил, что он золотой, я же с ним в одной палате лежал. Васёк – мужик честный. Сказал золотой, значит золотой. Недаром он всех боялся, прятался постоянно. Какие-то люди так и ходили за ним по пятам, по ночам в окна залезали и с ножами подкрадывались к его постели. Это он так рассказывал. Жалко конечно пилить, но если не мы, то хирурги его раз-два и готово. – Достаточно возбуждённо говорил Ваня.

– А мне не жалко. Я раньше плотником работал и когда пилил, жалко не было. Даже интересно Ваську попилить, потому что он не деревянный. Главное, что бы ножовку не затупить, а то мама будит ругаться, – продолжил Аполлон.

– А тебе надо золота? – спросил Ваня.

– Если мизинец дадите, возьму. На облучальное кольцо, – ответил Рома.

– Ладно, дадим большой палец от ноги, тебе и невесте на кольца хватит. Когда свадьба то, – спросил Ваня.

– Когда большим стану, – ответил Рома.

Самсонов обливался холодным потом. В висках стучало, сердце ухало. Не хватало воздуха. Нашупав на стуле таблетки, дрожащими руками стал вырывать их из упаковки. «Садисты, убийцы, головорезы. Нет, это на спектакль не похоже. Они собираются распилить человека. Может быть у меня бред? Бывает же, в бреду слышатся всякие голоса. Может, эти сыночки спят сейчас без задних ног, а я тут потихоньку схожу с ума. Смотри, Феоктист-то вон спит и ничего ему не мерещится. Нет, это я заболел. Разве люди могут всерьёз говорить о таких чудовищных садистских вещах?»

Снотворное начинало действовать, и Виктор Сергеевич уже не вникал в смысл только что подслушанного разговора. Он даже улыбнулся, успокоившись от своего открытия, что он несомненно болен. Ну, а «кровавый заговор», – это не что иное, как слуховые галлюцинации. Сон подбирался незаметно и исцеляюще воздействовал на «больного».

Наконец-то не спящая половина, облегчённо вздохнув, освободилась от заснувшей половины. Не спящий, с большим вниманием стал продолжать слушать разговор, доносившийся снизу. То, что услышал тот Самсонов, этот хорошо помнил. Он не дрожал от страха и не обливался в ужасе холодным потом. Слушал, стоя на коленях, приложив ухо к полу. «Если верить их словам, то как-то надо предотвратить это задуманное преступление. Но как? Пойти в милицию? Но ведь я во сне и мне не поверят. Надо поговорить с Январём, может вдвоём что-нибудь и придумаем.» – Рассуждал Самсонов.

Он вышел на лестницу и увидел там Января. Тот о чём-то мило беседовал с худенькой рыженькой кошечкой.

– Пойдём, поговорить надо, – махнул ему рукой Виктор Сергеевич.

– Подожди Виктор, вот выясню тут некоторые вопросыки... Иди, я сейчас приду. Постучу тогда, – ответил он глазами.

– Только не громко, а то разбудишь того.

– Ладно, – кивнул головой Январь и стал продолжать беседу с рыжей подругой, положив большую лапу на её худенькое плечико.

Самсонов посмотрел на них и с нежностью подумал о Снежане, вспомнил её горячее дыхание, нежную прохладу её тонких изящных пальцев, и сказочную ночь, разбавленную красным, чудодейственным вином.

Разговор внизу прекратился. Было слышно похрапывание и тихий плач Ромы, сопровождаемый одним и тем же словом: «стлашно, стлашно... ой как стлашно».

«Они сумасшедшие», – размышлял Самсонов, – «самые, что ни на есть. И как могла поверить моя вторая половина, что они являются сыновьями Морозовой? Подслушал бред умалишённых и сразу же прикинулся больным, словно сам такой же. А ведь эти придурки всё могут сделать. Могут и какого-то Васю распилить, запросто. И вообще, от них всё что угодно можно ожидать. Они-то пребывают совсем не во сне, они реально существуют, наяву. Эх, бедный Вася, если ты, конечно, существуешь, знал бы ты, что тебе готовят твои братики. Разбогатеть захотели, придурки. Даже пилу приготовили. Да уж, – аварийные человечки с потерянными рассудками».

В дверь тихо постучал Январь. Открыв, Виктор Сергеевич стал шёпотом рассказывать ему об услышанном заговоре дураков, о предстоящем кровопролитии. Кошачья душа у Января оказалась вполне человеческой, он тоже стал ломать себе голову, как спасти выбранную сумасшедшими жертву, – человека по имени Вася.

– Если Васю привезут сюда, его надо выкрасть. Распиливать его они сразу не станут, будут ждать, пока ты куда-нибудь не уйдёшь, – кумекал кот. – Я днём войду к ним в комнату и спрячусь там. Когда они уснут, открою задвижки. Не беспокойся, сил хватит. И вот тогда, тебе, Виктор, надо тихонько выкрасть этого самого золотого Васю. Потом его надо хорошенько припрятать и ждать, пока уберётся эта «троица». Можно было б и в милицию заявить, но я же кот, а котам органы не верят, сам понимаешь, а тебе уж, тем более, ты же во сне блуждаешь. Может тот сможет помочь? – Январь показал на спящего.

– Не знаю, – пожал плечами Самсонов. – Нам главное, что бы он спал в ту самую роковую ночь. Если он не заснёт, то я не проявлюсь, понимаешь, и мы тогда не сможем помочь бедняге ни в чём. Распилят, как пить дать, распилят.

Виктор и Январь до мельчайших деталей разработали план похищения Васи. Но у трёх братьев тоже был план похищения того же самого Васи из-за стен больницы. Если бы Вася знал, что ему готовят эти три придурка, то он, наверняка, со страху удавился бы в своей палате.

Самсонов отварил коту три большие картофелины. Тот дул на горячую картошку, смешно вытянув губы в трубочку, и был похож на склонившуюся над столом некую полуночную таинственность с разноцветными хитроватыми глазами. Слегка колыхалось пламя на фитиле керосиновой лампы. Тень, падавшая от Января, была причудливой и длинноухой. Она висела над ним на потолке, придавая обыкновенному коту некоторое величие и могущество. Этажом ниже, пошмыгивая носом, также продолжал тихонько плакать Рома. За окном поскрипывали сонные деревья, они пробуждались от порыва ночного ветерка и, лениво пошелестев листвою, замирали вновь. Когда старенький холодильник, громыхая, автоматически отключался, то Январь недовольно косился на него, как на одушевлённый предмет. Тень от Феоктиста тоже выглядела внушительно. Можно было подумать, что в клетке сидит не хилый старый и психованный попугай, а могучий горный орёл. Январь спросил:

– Ты хорошо дерёшься?

– Думаю, что нет. Не приходилось как-то... А зачем это?

– Ну, что ты, Виктор, надо уметь драться. Кто его знает, может завтра придётся, – уплетая картошку, и шевеля усами, сказал кот. – Мои предки когда-то дикими были и для людей были иногда опасны. Теперешние домашние коты им в подмётки не сгодились бы. Что такое домашний кот? – пнут ногой ни за что, или это слово противное «брысь», терпеть не могу его. А вот

мой предок не стерпел бы, как вцепился бы в затылок, как запустил бы свои когти под кожу, как вгрызся б в макушку обидчика своими острыми зубами, то считай ему и крышка. Между прочим, я тоже так могу. Продемонстрировать? Подставь голову, я покажу как это делается.

Самсонов испуганно посмотрел на Января, и на всякий случай, отодвинулся от него подальше.

– Шутка. Коты ведь тоже умеют шутить и даже тонко. —

Его глаза хитровато сощурились.

– Я бы не сказал, что шутка тонкая, но где-то, оригинальная, – неохотно согласился Виктор, оказавшись в неловком положении.

Кот аккуратно сгрёб очистки, и тяжело взобравшись на стол, выбросил их в открытую форточку. Потом, просунув в неё голову, сказал:

– Светать начинает, а воздух-то, Виктор, иди, понюхай, какой воздух. – Он шумно втянул носом утреннюю прохладу. – Пойдём на ступеньках посидим. Они вышли из комнаты.

– Как дышится, а? – спросил Январь.

– Хорошо дышится, слов нет, это же Крым всё-таки, море, – согласился Самсонов.

Сидели молча. Кот умывался, а Виктор о чём-то думал. А думать было о чём. Впрочем, это были воспоминания, похожие на мечты. – Снежана, красное вино, танцы. «Сердце, тебе не хочется покоя...», ее дыхание, нежные руки... И как далёкое воспоминание пронеслось: Клава с постоянными авоськами, директор Леопольд Леонардович с подкрашенными волосами, потрёпанные почётные грамоты, какое-то чужое творчество, бумага для печатания, которую давала ему тайком машинистка из отдела кадров, грохот мусоропровода в полночь, шум воды от сливного бочка, свист испорченного водопроводного крана, и многое – многое другое, что показалось ему чуждым и далёким. Вот что осталось в его памяти от того мира, пустого и далекого. Но в этом нет его вины, он питался и питается горькими плодами, добываемыми той, второй половиной. А на вкус и цвет как говориться... Да-да их нет, и тем более, можно ли в чём-то винить его, блуждающего сейчас по дорогам снов? Его не поймаешь, не увидишь, а может быть, его просто нет?

Самсонов и Январь ещё раз обговорили план похищения «золотого» Васи.

– Когда они заснут, я три раза кашляну. Это будет сигналом к началу нашей операции, и будет означать, что дверь открыта, – давал последние наставления кот. На прощание Январь подал свою мягкую пушистую лапу:

– До завтра.

– До завтра.

– Вернее, до следующей ночи.

– Да-да, – улыбнувшись, согласился Самсонов.

Начну с того, что, проснувшись, Виктор Сергеевич два часа просидел на кровати в совершенно подавленном состоянии. После чего, всё в том же состоянии, он вышел на улицу. Светило солнце, а может быть, и нет. На перилах сидели чёрные большие птицы с длинными клювами, а может быть, и нет. Но всё-таки они сидели, и показывали ему свои красные заострённые язычки.

– Кыш, – устало прогнал их Виктор Сергеевич, и они улетели. А не сказал бы он «кыш», то птицы бы так и сидели.

Январь, как и ранее, застыв, сидел на колодезном срубе и задумчиво смотрел в глубину колодца на отраженный маленький кусочек неба, который был зажат со всех сторон чёрными, полусгнившими брёвнами.

– Январь, – машинально позвал его Самсонов. Но тот, не взглянув на него, поспешно скрылся в ближайших кустах. «А говорила, что сказки умеет рассказывать, обыкновенный кот, как и все. Видно любит хозяйка-то приукрасить».

К столбу, за который крепилась бельевая верёвка, почему-то был привязан Рома. Он умоляюще смотрел воспалёнными глазами в небо и видимо о чём-то просил, как просят распятые, смерти или пощады. Слёз в его глазах не было, видимо потому, что слезы, просто, закончились.

Самсонов сел на ступеньку лестницы, с силой стиснул виски ладонями, но это не помогало. Захотелось сунуть голову в здоровенные тиски. «Боже мой, что творится?» Он стал раскачиваться из стороны в сторону, будто бы его мучила нестерпимая зубная боль. Но мучения эти были куда страшнее, нежели обыкновенная зубная боль. Здесь дела обстояли куда серьезнее. – «Золотой Вася... пила... Япония... какие-то хирурги... уколы... острые ножи... отпиленная голова... обручальные кольца. Кровь, кровь, кровь...».

– Я, наверное, уже свихнулся, но почему «уже»? Свихнулся, факт, ха-ха-ха, – рассмеялся он. – Хочу в Сахару через Северный полюс, или к Клаве на метле верхом. Отойти от винта! Я взлетаю... Напиши про меня песню, товарищ Пугачёва, если погибну, увлёмшись высотой. А давай полетим вместе, Алла? Я отдам тебе метлу, а у меня вырастут смоляные крылья! Пусть тяжело, зато разобьюсь! – Ха-ха-ха...

В тот момент, когда Виктор Сергеевич на самом деле задумал сходить с ума, из комнаты Морозовой вышли Аполлон и Ваня. Аполлон был в Ваниных красных кедах, а Ваня, разумеется, в его галошах. Они подошли к привязанному Роме и дружелюбно по очереди похлопали его по плечу.

– Крепись, братишка. Стой насмерть.

Ромина голова упала на грудь. Он описался. Видимо от страха бедняга потерял сознание.

– Неси топор, – скомандовал Аполлон.

– Рано, сначала надо в рукопашную, – посоветовал Ваня и стал в непонятную бойцовскую стойку. Самсонов вскочил, его лицо было белое, губы дрожали:

– Хватит комедии разводить, вы что, сумасшедшие?!

– Нет-нет, а кто вам об этом сказал? – испуганно спросил Ваня, опуская занесенный над Роминой головой кулак. – Мы братья по несчастью. Разве это не видно?

– Видно-видно! И видно, что вы – просто ненормальные, если вздумали измываться над слабым и беззащитным человеком! – отчаянно прокричал Виктор Сергеевич, сбегая вниз по ступенькам.

– Он наш брат. Что хотим, то делаем с ним. – Сопя ноздрями, прохрипел Аполлон и решительно двинулся навстречу Самсонову.

– Вы не имеете права! Он – человек! Вы что, из каменного века?! – Виктор Сергеевич попятился вверх по лестнице. Ваня успел ухватить Аполлона за ногу, и тот, грузно рухнув, ударился своим здоровенным носом о деревянную дорожку. Брызнула кровь.

Рыжий вырвал с землёй горсть травы и размазал ею кровь по своему лицу. Он стал таким страшным, что словом высказать трудно. (Вам надо было присутствовать при этой сцене, что бы ощутить всё это на себе). После чего, Ваня зачем-то притащил ему пилу и «рыжий» с разбитой насопыркой начал остервенело пилить первое попавшее ему под руку дерево.

– Пили, Аполлонушка, пили! Мы построим корабль с водонепроницаемыми окнами, и на нём махнём в Японию. Дерево оно не тонет, я знаю. – Бегал вокруг него Ваня, теряя калоши. – А его не возьмём, пусть даже не просится! – показал он, на испуганного Самсонова, который испуганно смотрел в окно.

По-очереди они пилили дерево, пока оно с болезненным скрежетом и хрустом не рухнуло посередине двора.

– Готово. Неси парус, – как будущий капитан, дал команду Ваня.

– Давай без паруса, как подводная лодка, – неожиданно смекнул «рыжий».

– Ну и башка, Аполлон! Ну и башка... – восхищался Ваня, по-братски хлопая того по затылку. – Точно, через два дня здесь во дворе начнётся погружение. И не надо нам тащиться по морю, в море вода солёная, я знаю. Зачем нам отложение солей. Заболеем, – и не видать нам тогда Японии, как своих ушей. Ну и башка! А из Ромы балласт сделаем для подлодки и будем его продувать.

Рома что-то шептал пересохшими губами, обращаясь к небу. Под ним образовалась целая лужа, разумеется, не от слёз. В приоткрытую дверь комнаты Морозовой, незаметно прошмыгнул Январь.

– Если выйдешь на улицу, то по шее получишь! – Крикнул Аполлон с окровавленным носом и погрозил кулаком в окно второго этажа.

В том, что эти трое были сумасшедшие, Самсонов уже не сомневался. Ночной разговор о расчленении тела Васи, сегодняшнее кошмар во дворе, всё это вполне соответствовало естественному поведению душевно больных людей. «Надо ж так вляпаться, по самые уши. Рыжий придурок, зачем-то дерево завалил. А если б я вместо этого дерева оказался... Да, жуткая ситуация, я скажу...»

Виктор Сергеевич давно не получал по шее, со времён детства, и потому особого желания: «выйти на улицу» у него не было. К тому же, драться он не умел. Тем более, их было двое, да притом, сумасшедших. «Нет, лучше я дома посижу. Ну и влип же я. Откуда их бес принёс? А может они скоро уберутся отсюда?» Он в расстроенных чувствах рассказал всю эту историю Феоктисту. Тот пояснил, что никаких сынов у его хозяйки нет, и быть не могло.

– А может, и будет ещё, – не согласился с последним Самсонов.

Попугай загадочно хихикнул под левое крыло:

– Мне-то знать лучше. – И вновь хихикнул, но уже под правое крыло. Ещё он сказал, что эти три типа, по описанию, чем-то похожи на клиентов Морозовой.

На вопрос, «какие ещё клиенты?», Феоктист отвечать не стал, сказал, что это разговор длинный и не приятный. Зря пытался Виктор Сергеевич узнать от попугая что-нибудь о клиентах, но тот словно язык проглотил.

– Ладно-ладно, попросишь ещё колбасы, – обиделся Самсонов и накрыл клетку полотенцем.

За окном послышался бешеный крик Аполлона. А дело было вот в чём. Ваня стриг его большими, ржавыми ножницами. Заканчивая с левой стороной головы, он, увлечшись работой, нечаянно отхватил тому кончик уха. Аполлон, наполовину остриженный, вернее, обезображенный, гонялся за «парикмахером», размахивая табуреткой.

– Если вы мои братья, то режьте себе уши тоже! Так не честно! Не по-братски!

Он всё-таки поймал Ваню и этими же ножницами лихо отхватил у того пол-уха. А Ваня, в ярости, обкорнал два уха у привязанного к столбу Ромы, визжащего, как недорезанный поросенок.

Виктор Сергеевич мертвецки побледнел. До боли закололо в сердце. Шокированный от увиденного, он сразу же слёг в постель и больше уже не мог ни о чём думать. Дикая пустота заполнила его помутневшее сознание. Во взгляде его немигающих глаз поселилась некая отрешённость и полное невосприятие этого мира. В таком состоянии Самсонов пролежал до самой

темноты. Нет, он не спал. Всё это время он находился в состоянии тяжелого психологического шока. Феоктист нервничал и кричал, чтобы с его клетки сняли полотенце.

– И так век воли не вижу, а тут ещё белый свет закрррывают! – возмутился попугай. – Тебя бы сюда, хоть на недельку! Тоже мне, писатель объявился, ни «бэ», ни «мэ». Слышишь, сними-ка эту тррряпку, сними, говорррю!

Самсонов резко встал и снял с клетки полотенце, при этом, с ненавистью посмотрел в глаза попугая.

– Ладно-ладно, ни «бэ» ни «мэ». За такие оскорбления знаешь, что делают? По физиономии дают.

– Нашёл с кем дррраться. Пойди вон с теми помахайся. Я маленькая птица, а ты вон какой большой.

Виктор Сергеевич неуклюже замахнулся на него, но устало опустив кулак, от обиды чуть не расплакался.

– Свалились все на мою голову, словно сговорились. – Смахнув подступившую слезу, он поставил кипятить чай.

На улице поднялся сильный ветер. Деревья жалобно скрипели и ударили ветками в оконное стекло. Из открытой форточки тянуло влажной прохладой. Раскачиваемое ветром ведро гулко билось о сруб колодца. Дружеские отношения с Феоктистом были порваны. Одному работать над «Крымским вариантом» не хотелось. Но даже, если бы... да что там.. – отсутствовало самое главное, творческое вдохновение. А без него выход один – писать письма с фронта, а не романы. «Какой-то задрипанный попугайшка диктует, а я только успеваю за ним на машинке отстукивать, типа секретарши – машинистки. Как я позволил себе так опуститься? Получается, что попугай талантливей меня. Бред какой-то. Да и хозяйка, странноватая какая-то. Может и впрямь ведьма?»

Без всякого аппетита проглотил пару кусочков колбасы. С затвердевшими конфетами выпил остывший бледный чай. Приняв две таблетки снотворного, Самсонов опять лёг в постель. (Пожелаем Виктору Сергеевичу спокойной ночи.) Сначала им одолела зевота, а уж потом и сон. Он стал не тихо похрапывать, на что недовольно прореагировал попугай:

– Чудовище какое-то.

«Теперь спать будет крепко, если принял две таблетки снотворного», – подумал не спящий, в темноте натягивая на себя спортивный костюм. Вспомнил о бесстрашном поступке Января, который рискуя своей жизнью, затаился там, внизу, в логове сумасшедших убийц. Лампу зажигать не стал, чтобы не привлечь их внимания, не выдать себя.

Вдруг в голову пришла наиприятнейшая мысль: «Если я нахожусь во сне, то значит, я должен ничего не бояться. И что бы ни случилось, я всегда останусь в живых. Ведь во сне можно быть бессмертным, и почему мне раньше это в голову не пришло? Надо испытать своё бессмертие. Но как?». Задумавшись на некоторое время, он вдруг хитровато улыбнулся. «Есть одна идея». Вышел на лестничную площадку, и прошептал: «была не была», бросился вниз головой. Земля оказалась мягкой, как пух, а голова целой и невредимой. Повторил тоже самое ещё раз. Опять голова цела и никакой боли. «Хм, вот здорово». Потом, поднявшись в комнату, взял нож и несколько раз полоснул по кисти левой руки. Нож, не причиняя ни малейшей боли, проскользил по коже, слегка щекоча. «Хм, надо ж», – опять восхитился Самсонов. Без всякого ощущения боли он несколько минут просидел на раскалённой электрической плитке. Правда, только, спящий что-то недовольно промычав во сне, перевернулся на другой бок. «Это факт. Во сне существует бессмертие», – сделал окончательный вывод Виктор Сергеевич. «Если я бессмертен, то всё будет в порядке, и Васю обязательно спасу, если они его сюда притащат. А потом уж от этих идиотов как-нибудь избавлюсь. Ох, и устрою я им Варфоломеевскую ночьку.

Тогда уж точно у них мозги заклинит или ума наберутся. Но главное, не допустить кровопролития».

Час ночи. Неожиданно хлынул проливной дождь. Зашумела листва. Полилось с крыши. Самсонов ждал сигнала Января. А сигнал к действию – это кашель Января, как вчера договорились. Чтобы шум дождя не помешал услышать сигнал, он закрыл форточку. Время тянулось слишком медленно. Половина второго. Сигнала нет, но вот внизу хлопнула дверь. Неразборчивые обрывки фраз. И в этой неразборчивой речи несколько раз произносилось имя Васи. Затем всё стихло, но потом некоторое время кто-то говорил свистящим шёпотом. Несколько раз всхлипнул Рома. Раздался шлепок, и Рома больше не всхлипывал. Наступила подозрительная тишина, а с ней и томительное ожидание сигнала к началу опасной «операции».

«А может кот дрыхнет там и усами не шевелит?» – Только об этом подумал Самсонов, как снизу донёсся тихий, явно не человеческий кашель. Январь кашлянул три раза. «Наверное, только во сне коты такими честными бывают», – промелькнула мысль. Операция по освобождению жертвы из логова сумасшедших убийц началась.

Спустившись на цыпочках по лестнице, Виктор Сергеевич немного постоял у двери, прислушиваясь. Света в окне Морозовой не было. Шел проливной дождь, и как из ведра лил на полуночника. Он осторожно открыл дверь. В темноте блеснули глаза кота. Глаза сказали ему:

– На кровати, в левом углу.

Самсонов, припоминая обстановку в комнате, крадучись приблизился к кровати. Вновь блеснули глаза Января:

– На всякий случай, я заткнул ему рот полотенцем, он связанный. Бесшумно забирай его и тихо уходи, давай...

Самсонов подsunул руки под человеческое тело, поднял его и, почти не чувствуя тяжести, осторожно понёс к двери. Тело несколько раз судорожно дёрнулось, а потом обмякло. «Не умер бы со страху», – подумал Виктор Сергеевич. – «Стоп, а куда же его тащить?» Словно читая его мысли, кот подсказал:

– Прыгай с ним на крышу, а там спрячешь его на чердаке. Я уже место приготовил. Во сне хоть до Луны можно допрыгнуть.

Самсонов ещё сомневался в своих способностях по прыжкам в высоту, но когда без труда запрыгнул на крышу, почему-то подумал о Луне: «Жаль, что Луну закрывают тучи, а то бы...»

Положив тело человека на кучу каких-то тряпок, Виктор Сергеевич вытащил из его рта полотенце и развязал ему руки.

– Кто вы? Вы будете меня убивать?

– Нет, успокойся, тебя Васей зовут?

– Да.

– Тот самый, золотой?

– Да, – тихо подтвердил тот, после некоторого молчания.

– Ты нас не бойся, наоборот, мы тебя спасли от твоих дружков, если их так можно назвать. Это они хотели тебя убить, вернее, распилить и поделить между собой части твоего золотого тела.

– Не может быть, там, среди них, мой брат и друг Ваня. Он сказал, что они меня спасли от хирургического заговора.

– А ты не сумасшедший?

– Нет, я больной. Болею долгое время «золотой болезнью».

Лица Васи видно не было. Самсонов в две секунды доставил из своей комнаты керосиновую лампу. На чердаке стало светло, и теперь можно было получше рассмотреть незнакомца.

На Васе был застиранный больничный халат. На ногах – хлопчатобумажные коричневые носки. Худой. Бледно-жёлтая впалая грудь. Длинный, острый нос, чуть вкось. Большие болезненные глаза с темными кругами вокруг. Наверное, это от бессонницы. Лысый неровный череп с выпуклым лбом. Неестественно худые и длинные руки. Очень маленькие ладошки, словно детские. Большие вялые уши и тонкие синие губы. Одним словом, «топ модель из палаты №6».

Неожиданно из темноты появился запыхавшийся кот. Брезгливо стряхивая с себя влагу, он смачно выругался в адрес мерзкой погоды. Ругался по-человечески, не вслух, а глазами.

– А вы, правда, не будете меня убивать? – робко спросил Вася, с надеждой глядя им в глаза.

– Конечно, не будем, что мы варвары?

– «Честное слово» не будете?

Виктор Сергеевич и кот дали ему самое честное слово.

Растроганный Вася даже расплакался и вкратце рассказал им о своей нелёгкой судьбе:

– Не знаю с чего и начать. В общем, жил, как и все, но только никто не обращал на меня внимания. Иду, а на меня никто не смотрит. Обидно как-то стало. Неужели я такой, что недостойн человеческого внимания? Всё чаще стал смотреть на себя в зеркало, но ничего отрицательного в своей внешности и в лице не замечал. Наоборот, мне нравилось моё лицо. Вглядываясь в окружавшие меня лица, начал находить в них столько дефектов, и даже уродства, что стал иногда пугаться того или иного человека. Я раньше работал руководителем духового оркестра, человек я творческий и натура у меня, сами понимаете, тонкая. Так вот, играл у меня в оркестре на тромбоне один парень.... Представляете, я стал бояться его, вернее его взгляда. Раньше не боялся, а тут вдруг стал бояться. Конечно, я избавился от него, уволил. А тут, вдруг, барабанщик стал на меня странно посматривать. Вот так, постепенно, я и разогнал весь оркестр. А сам всё чаще и чаще рассматривал себя в зеркало. И как-то незаметно я стал казаться себе очень красивым, что не мог от себя даже глаз оторвать. Сами понимаете, трудно взгляд от красоты оторвать. Однажды на меня посмотрели очень внимательно какие-то подозрительные люди. Это меня очень насторожило. Думаю, что-то тут не так. А уж через некоторое время меня стали просто съедать глазами. Рассматривали меня с неподдельным интересом, даже трогали руками, из чего, мол, я сделан. Прошло время, и я стал объектом всеобщего внимания. И со временем прозвали меня «золотым». Не знаю, в шутку или всерьёз, «золотой да золотой». Клички, они быстро прилипают. Один раз я посмотрел на свою руку, а она блестит, словно золото. Первое время не обращал внимания, а потом смотрю, всё тело стало золотого цвета. И люди стали говорить: «Смотрите, он и в правду золотой». – Переведя дыхание, Вася продолжил свой рассказ:

– Меня всё чаще и чаще стали трогать руками. Некоторые даже пытались попробовать на зуб. Мне стали уделять «особое внимание», – все с завистью смотрели на моё золото. Однажды я услышал за спиной шёпот: «Ему бы пёрышко в бок, смотри, сколько килограммов золота разгуливает». Тут уж я вообще начал людей бояться. Старался, как можно меньше выходить на улицу. С работы, разумеется, меня уволили, за прогулы. И что вы думаете, вот так вот я и стал золотым. Ни с того, ни с сего, раз!... и превратился в чистое золото. Не верите? Вот, посмотрите. – Вася поднёс лампу к своему лицу.

Самсонов внимательно стал рассматривать его кожу. Да, она отливала цветом золота, да и такого количества золота ему никогда не приходилось так близко видеть.

– Можно потрогать? – спросил Виктор Сергеевич.

- Пожалуйста, – ответил тот и протянул руку.
- А почему оно мягкое?
- Оно ещё не остыло. Остынет, наверное, когда умру.

Январь не знал толка в драгоценных металлах, и потому его больше интересовали ночные таинственные шорохи, которые были уловимы только кошачьему слуху.

- А здорово ты прыгаешь, – восхищённо сказал Вася Самсонову.
- Я не только высоко прыгаю, я ещё и не умираю, – похвастался тот.
- Ну да? Мне бы так...
- Тебе нельзя, я-то во сне.
- Как во сне? А я?
- А ты – нет.

– Но разве так можно?

– Можно, всё можно, Я тоже раньше думал, что нельзя, а теперь так не думаю.

Золотой Вася странно смотрел на Виктора Сергеевича, а тот не отрывал своего взгляда от его блестящих золотых кистей.

– За то, что вы меня спасли, я хочу отрубить и подарить вам один свой палец.

– Что ты, что ты, избави бог, обойдёмся мы без твоего золота. Коту оно ни к чему, а мне тем более, я же нахожусь во сне. Во сне золото не ценится, ценятся чувства.

Самсонов решил, что именно в эту ночь ему надо избавиться от этих Морозовских сыночков. Сделав в воздухе двойное сальто, он спрыгнул с крыши, и смело вошёл к ним в комнату. «Мне бояться нечего, во сне я бессмертен».

Он включил яркую лампочку. Рома с Ваней спали на диване. Аполлон, свернувшись калачиком, спал в углу комнаты. В правой руке он сжимал рукоятку пилы. Виктор Сергеевич растолкал его.

– Пора? – спросил тот, спросонья протирая глаза.

– Пора брат, пора.

Аполлон подошёл к кровати, и некоторое время внимательно рассматривал её, даже трогал её рукой.

– А где Вася, где братец мой, самый любимый?

– Вот я, – сказал Самсонов, показывая на себя. – Самый любимый твой братец. Угадываешь?

Проснулись остальные. Ваня стал искать «пропажу» под кроватью, под диваном, в кухонном столе, в кастрюлях и даже в пустых бутылках. Рома тихонько плакал и отгонял от себя что-то невидимое, отмахиваясь руками.

– Ты не Вася, – внимательно осмотрев Самсонова со всех сторон, не совсем уверенно произнес Аполлон.

– А кто же я, по-вашему, Петя? Я самый, что ни наесть золотой Вася, и во мне 78 кг чистого золота, высшей пробы, со знаком качества. Смотрите. – И он указал на свой лоб.

– Видите знак качества?

– Знак-то видим, но уж больно ты на нашего брата не похож. У Васи знака качества не было.

– Ну что вы говорите? Знак качества поставить, это дело пустяковое. Вчера не было, а сегодня есть. Штампы ставят быстро. Шлёп, и готово.

– Если ты Вася, то мы тебя сейчас пилить будем, – сердито сказал Аполлон.

– Разве можно пилить своего брата?

– Чужого бы пилить не стали. – Ваня закрыл дверь на два засова и постелил посередине комнаты мятую грязную простыню.

– А ты будешь кричать? – Спросил Аполлон.

– А как надо? – поинтересовался Лже-Вася.

– Надо что бы было тихо.

Сговорились на том, что при распиливании будет полная тишина. Рома забрался с головой под одеяло и жутковато завывал.

– Только пили не больно, ладно? – попросил Самсонов. Он с большим удовольствием играл роль золотого Васи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.